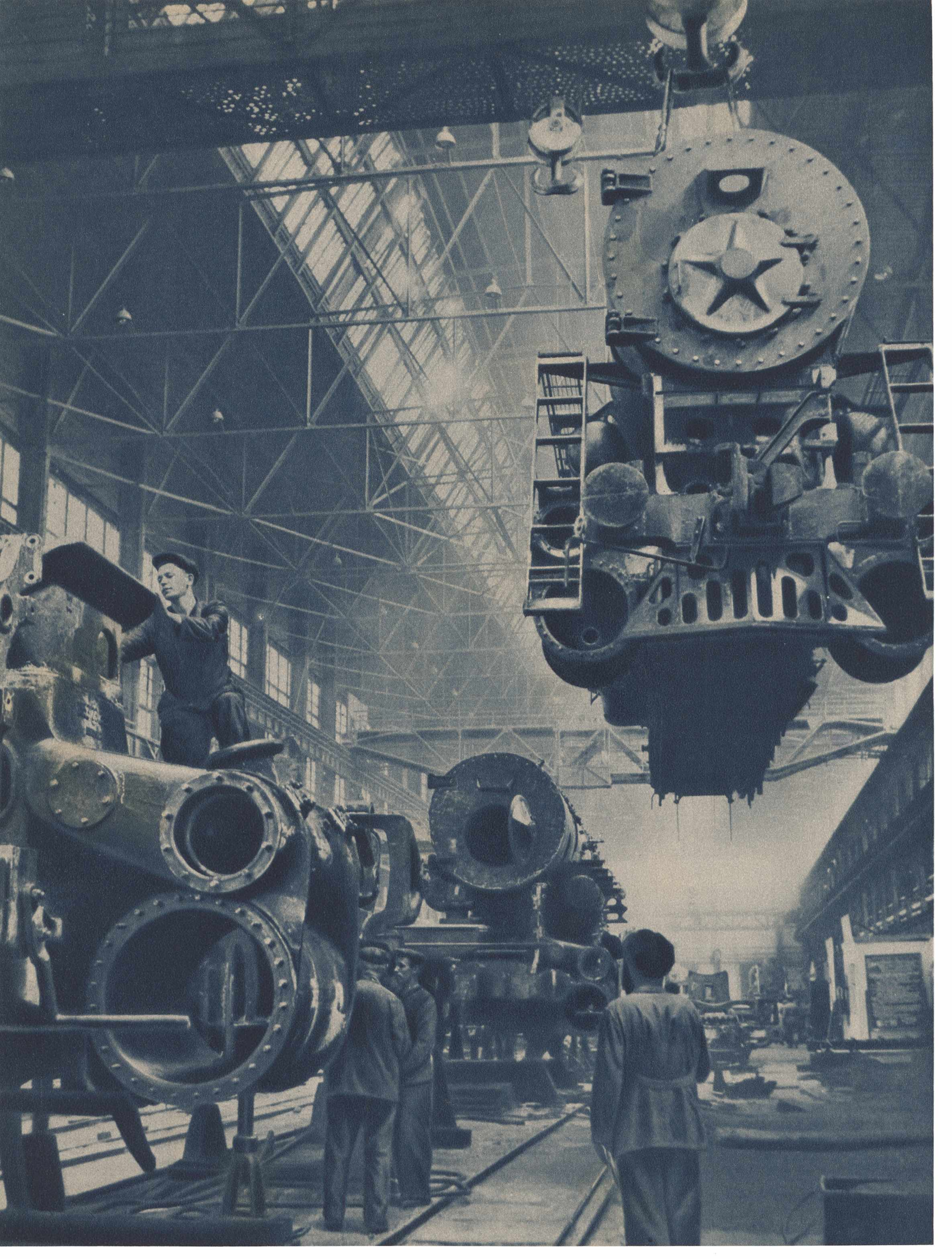

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ворошиловградский паровозостроительный завод имени Октябрьской революции. В паровозосборочном цехе.

Фото М. Озерского.

На первой странице обложки: Лучшая доярка совхоза «Марьино», Курской области, Валентина Половинкина. За 10 месяцев нынешнего года она надоила по 4100 литров молока от каждой из закрепленных за ней коров.

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Ондатроловы Василий Шестов и Баян Есенжалов на привале (Аму-Дарьинский государственный ондатровый промхоз).

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 47 (1380) 22 НОЯБРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Открылся доступ трудящихся в Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина.
На снимке: Москва, Красная площадь. 17 ноября, 12 часов дня.
Фото Я. Рюмкина.

ШИРОКИЙ ПРОФИЛЬ

Я. ФОМЕНКО

Фото Б. Вдовенко.

Полк расположился недалеко от озера Хасан, в тех местах, где недавно шли бои. Жизнь солдат, расписанная по часам и минутам, текла размеренно, с очень редкими отступлениями от заведенного регламента. Проходили дни, недели, месяцы. На границе было тихо, и в ротах царила атмосфера бдительности и спокойствия.

Был, однако, в полку человек, который в один такой тихий день не на шутку волновался. Это был пулеметчик Константин Серов. Его принимали в комсомол. Он стоял перед товарищами, высокий, ладный, и, налегая на «о», рассказывал:

— Родился в октябре семнадцатого года в селе Ославском...

Солдат запнулся. С полминуты он молча стоял, глядя куда-то поверх человеческих голов, будто ему привиделись улицы родного села, протянувшиеся на покатых склонах правобережья Нерли.

Наконец погустевшим от волнения басом солдат добавил три слова:

— Недалеко от Владимира...

И зал ответил добродушно-насмешливо и подбадривающе:

— Володимирский?!

Оживление, точно залетевший с сопок ветерок, унесло куда-то смущение. Серова овеяло товарищеским сочувствием.

⁂

Сейчас, спустя пятнадцать лет, когда Серову приходится излагать автобиографию, комсомольское собрание на берегах озера Хасан занимает очень небольшое место в его рассказе. Не потому, что эта веха жизни кажется ему малозначащей, ушедшей, как говорят, в «туманные дали прошлого». Просто это событие заняло подобающее ему место в цепи других. За полтора десятилетия жизнь Серова обогатилась настолько, что отчитываться за нее приходится значительно дольше, чем две — три минуты.

Даже посеянная в одинаковую почву, в один час пшеница созревает не в один и тот же день. Бывает, совсем рядом стоят колосья разной спелости. С людьми еще сложнее. У каждого свои темпы духовного развития. Одни начинают самостоятельный жизненный путь, едва расставшись с детскими играми, а другие остаются юнцами и после аттестата зрелости.

Константин Серов рано почувствовал себя взрослым. Крутая ломка образа жизни и мыслей, вызванная рождением колхоза в Ославском, застала его в таком возрасте, когда перед человеком только-только начинает раскрываться окружающий его мир. Перед Серовым он раскрывался ускоренным темпом. Устройство жизни менялось так стремительно, будто русская деревня Ославское решила наверстать все упущенное за тысячелетия. Пользование землей навечно и бесплатно... Общее владение средствами добывания жизненных благ... Все ново, все заставляло ворочать мозгами.

Больше всего тогда понравилась Константину артельная конюшня. Ее заселили большим косяком лошадей. Колхозники говорили о лошадях: «Наши».

Вскоре появилось еще одно новшество. Перед ним отступило все доселе виденное. Колхозные парнишки были заняты пастьбой колхозных коней, когда на просторы Владимирского Ополья пришли тракторы. Они прибыли с далеких заводов. И родилась тогда мальчишечья мечта научиться самому делать машины. Мечта тоже помогала быстрее стать взрослым.

Сначала у Серова звенело в ушах от грохота в заводских цехах. Потом он привык к грохоту, а смутное представление о силе общего труда отлилось в простую истину: его труд — слагаемое исполинской суммы усилий, называемой трудом народа.

Затем он ушел в армию. Был трижды ранен. Перед одним из боев в районе Курской дуги на листке, припасенном для письма в Ославское, он написал: «Прошу считать меня членом партии».

⁂

Жадно вглядывался возвращавшийся с фронта Серов во все, что мелькало в окне вагона. Вот и родные места. Спокойно, словно никакой войны и не было, течет Клязьма. Попрежнему свежо белеют на ее высоком берегу стены владимирского Кремля. Блеснула в зеленой оправе Нерль — река детства.

Все в Ославском будто прежнее и в то же время иное. Серов думал: где же произошло больше перемен? В нем самом или в окружающем? Пожалуй, в нем самом. Изменились и его односельчане. Сквозь радость победы и мира он видел на лицах многих неутоленную печаль. Война отняла отцов, мужей... Люди не падали духом, но и не скрывали горя. Да и как его скроешь? Слишком оно велико.

Серов недосчитался многих друзей детства. Тем более радостной была вновь обретенная дружба. Почти одновременно с Серовым возвратился с фронта его тезка, тракторист Репин. Их пути сначала было разошлись. Но, видно, их тянуло к одному, и оба, не сговариваясь, в один и тот же год подали заявления о работе в МТС. Оба они нашли там обширное поприще для применения своих сил и знаний, оба тянулись друг за другом, точно альпинисты, восходящие на трудную вершину.

Они не заключали официальных договоров о соревновании. В этом не было необходимости. Привычка брать пример с лучших составляла их вторую натуру. Мог ли Константин Серов оставаться безучастным, видя, как упорно Константин Репин изучает самоходный комбайн? А разве Константин Репин в состоянии отстать от Константина Серова, взявшегося за освоение дизеля?

Тезки старались во всем идти вровень, быть всегда рядом. И в сводках МТС их имена всегда стояли почти рядом.

...В диспетчерской МТС, у рации, можно слышать по утрам:

— Алло! Новое! Новое! Товарищ Волков?

Бригадир новосельской бригады Павел Алексеевич Волков, начиная передачу данных за предыдущие сутки, по привычке произносил:

— У Кости вчера...

Радиотехник Галина Зайцева или диспетчер Степанычев спешили узнать:

— У какого Кости? Репина или Серова?

Женщины, обсуждая очередные новости, тоже уточняли:

— Зинаида... Не Серова, а Репина...

Их жен зовут Зинаидами.

Дружба Серова и Репина крепла на основе общего дела. Обоих механизаторов толкал вперед, подхлестывал рост земледельческой техники. На центральную усадьбу МТС поступали все новые и новые машины.

Павел Алексеевич Волков, служивший на фронте в артиллерии большой мощности, человек хладнокровный и сдержанный, и тот не мог скрыть свои чувства и часто говорил механизаторам:

— Ну, братцы, и техника! Прямо «БМ» — большая мощность. Успевай только изучать!

Действительно, машинный парк МТС все время обогащался. Шли «Универсалы» и «ХТЗ-7», прибывали «С-80» и «ДТ-54». Трактористам-«колесникам» приходилось переключаться на гусеницы. Комбайнеры с прицепных пересаживались на самоходные агрегаты. В МТС образовался самоходный комбайновый отряд.

С расширением технической базы расширялись рамки специальности Константина Серова. Когда-то он был только слесарем. Теперь он стал и шофером, и трактористом, и комбайнером, освоил дизель, изучил прицепные и навесные механизмы. Рядом с ним шел его тезка Репин.

— Это наши механизаторы-универсалы, — стали говорить о таких людях, как Серов и Репин, на совещаниях в МТС. — Могут водить любую машину...

Серов и Репин в самом деле знали все машины МТС, начиная от великана «С-4» и кончая «сотиком» — садово-огородным трактором-малюткой мощностью в три лошадиных силы. Перестали существовать для них так называемые «мертвые сезоны». Сторонники узкой, вернее, сверхузкой, специализации попрежнему в зимние месяцы пускались в «отходные промыслы», «кололи лед», как шутили некоторые, а Репин и Серов предпочитали заниматься ремонтом и учебой.

Нелегко в маленьких мастерских, где даже приличных подъемных приспособлений не существует, ремонтировать и прирабатывать двигатели. О ходовой части и говорить нечего: ремонт проходил на свежем воздухе. В мороз руки прихватывало к металлу. И все же Серов полагал, что эти трудности и неудобства сторицею окупаются на вспашке, севе и уборке. Надежней работается на машине, подготовленной собственными руками. Потом, где же лучше узнаешь машину, как не на ремонте? Солдатская поговорка «Тяжело в ученье — легко в бою» перефразировалась на новый лад: «Труден ремонт — жатва легка».

Кроме того Серов стал дальновидным. Не вечно же Владимирская МТС будет обходиться кустарным ремонтом. В соседней, Головинской, МТС уже построили мастерские с паровым отоплением, вентиляцией, душами, подъемными кранами, станками, испытательными стендами. Дойдет очередь и до Владимирской. Собственно, уже дошла. Проект утверждается в министерстве.

Что такое хороший ремонт, знает любой механизатор, тем более специалист, сам управля-

Каждое утро бригадир П. А. Волков докладывает об итогах работы за предыдущий день. Часто первым он называет имя Константина Серова.

ющий и сам ремонтирующий и налаживающий машину. Он «вылижет» каждую деталь, зато потом не знает, что такое поломка и авария.

Руководители МТС привыкли, что у Серова всегда «все в порядке». Не бывало такого случая, чтобы комбайн или трактор у него простоял из-за плохого ухода.

И вдруг случилось однажды: в горячее время уборки на центральной усадьбе узнают: Серов стоит. И кто сообщает об этом? Сам Серов.

Механиков на месте не было. Директор МТС Иван Степанович Морозов выехал сам на место аварии.

Серова он застал возле комбайна, хмурого, злого. Весь его вид выражал досаду на самого себя: неужели чего не доглядел?

— Не пойму, в чем дело, — резко ответил он на вопрос Морозова о причинах остановки. — Плавятся подшипники. А почему, черт их знает. Все перебрал... Странно что-то...

Случай действительно был странный. Накануне Серов проработал весь день и, как обычно, перевыполнил норму. Машина вела себя превосходно: ни одной задержки.

Утром Константин осмотрел агрегат, подготовил все, чтобы и сегодня работать, как вчера и позавчера. Что же за ночь могло произойти с машиной?

Комбайн не прошел и полкилометра, как Серов почувствовал неладное. Двигатель застучал. Стук этот хорошо был знаком. Недаром Серов зимой испытывал и принимал двигатели в эмтээсовских мастерских. Не иначе — беда с подшипниками...

Так и было. Подплавился подшипник.

Серов подшабрил подшипник, подтянул все, что надо. Пойдет машина как миленькая!

Сто метров — и снова стук!

Несколько раз Серов лазил в машинное нутро, по десять раз проверял все, как полагается, и через сотню метров его слух ловил тот же опасный звук.

Директор и комбайнер не помнят, сколько они провозились около заболевшей машины. Причину нашли. Технически ничего сложного, пустяки: пробка маслосливного отверстия подвела. Стоило заглушить отверстие, и машина пошла, будто с ней ничего никогда неладного и не случалось.

Добраться до настоящей причины аварии так и не добрались. То ли злоумышленно кто навредил, то ли излишне любознательный малолетний «страж», выставленный на ночь колхозом, покопался в машине, за недостатком времени досконально выяснить не удалось. Но для Константина Серова это был еще один урок.

В ближайший перекур он говорил своему тезке:

— Это, брат, наука нам, Костя. Прохладное еще у нас отношение к технике. Кажется, и болеем за нее. А вот простой вещи — беречь, как зеницу ока, — не добьемся никак. Плохо бережем!

К сожалению, Серов был прав. О случае с его комбайном поговорили, как о странном, туманном происшествии, и вскоре забыли. Благо, механизатор-универсал попрежнему задания выполнял, на уборке сэкономил много горючего, что было редкостью ввиду дождливой осени нынешнего года. Бригада Волкова справлялась с делом хорошо и даже помогала другим: Добринской, Борисовской, Васильковской.

* * *

«Откуда есть пошла русская земля...»

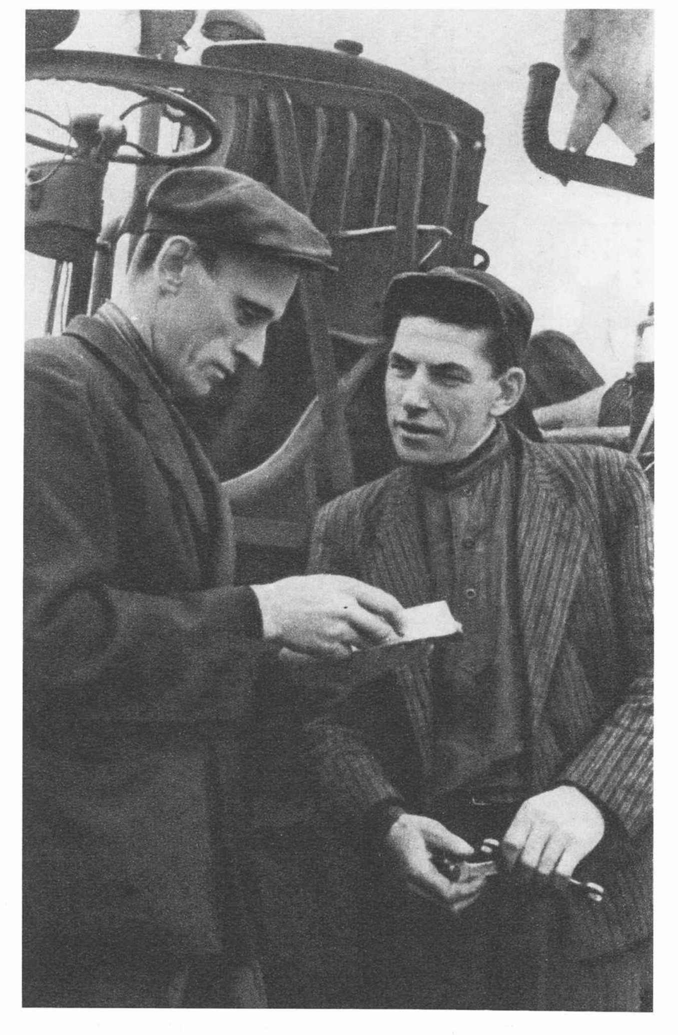
Эту летописную фразу произнес Михаил Иванович Толиков, второй секретарь Владимирского сельского райкома партии, когда вездеходик въезжал в село Боголюбово.

Из-за длинной стены выглядывали верхушки собора, построенного Андреем Боголюбским. Здание, где помещался райком, примыкало вплотную к этим старинным стенам, уходящим после поворота к крутому берегу Нерли.

Мы спешили на интересное совещание. Райком пригласил для беседы бывших трактористов и комбайнеров, работавших прежде в МТС.

В просторном секретарском кабинете собралось около сорока человек.

Начал беседу первый секретарь райкома Михаил Григорьевич Графский. Наметанным глазом он прошелся по рядам сидящих в кабинете людей и запросто начал задавать им вопросы: почему ушли из МТС? По разным причинам: одни — в обиде за неправильный расчет, а то и неоплату трудодней, другие — из-за квартирных осложнений. Были и такие, что пошли на соблазн попользоваться «калымом» — за счет государства подвозить кладь и пассажиров. Некоторые признали, что поменяли «шило на мыло», но самолюбие не позволяло возвратиться в МТС, хотя они и не против были.

Тезка Серова Константин Репин делится с другом своими наблюдениями за работой машины. Справа: Константин Павлович Серов.

Через десяток минут отсеялись убежденные сторонники «калыма». Их набралось человек пять. Таким делать нечего в МТС.

Продолжать беседу остались люди деловые, серьезные. Они осведомлялись о практических вещах: о вознаграждении за труд, о квартирных условиях, о марках машин, о том, как оформить уход с нынешней работы и куда являться, чтобы вернуться в сельское хозяйство.

В заключение беседы секретарь предупредил:

— Вы не думайте, друзья, что идете на пустое место. Глупую сказку про варягов воскрешать не стоит. Есть недостатки в наших МТС. Можно сказать, хватает... Но там у нас есть крепкие люди. И знаете, люди потверже вас в технике, в опыте... Да и вообще, может быть, потверже, как люди. Вы меня, надеюсь, понимаете? Вот у нас есть Серов, Баженов, Брагин, Репин... Знаете, у них есть чему поучиться. Помните, товарищ Хрущев говорил о трактористах-машинистах широкого профиля? Вот они и есть такие...

И Михаил Григорьевич начал перечислять:

— Они и слесари, и шоферы, и трактористы, и комбайнеры, и дизель знают, и картофелекопалку отремонтируют, и в агрономии разбираются, и в политике, надеюсь, от вас не отстанут. Сказать просто, это люди широкого профиля, наша сельская техническая интеллигенция. Прошло то время, когда учитель был единственным интеллигентом в деревне. Попадете вы, к примеру, в одну бригаду... ну, скажем, с Серовым. Мой вам совет: не стесняйтесь, поучитесь у него. Мы хотим, чтобы и вы были людьми широкого профиля... Можете его чему-нибудь хорошему научить — научите. Он не откажется от хорошего.

Нам представилась встреча механизаторов из села Ославского с новым пополнением. Хорошая будет встреча!

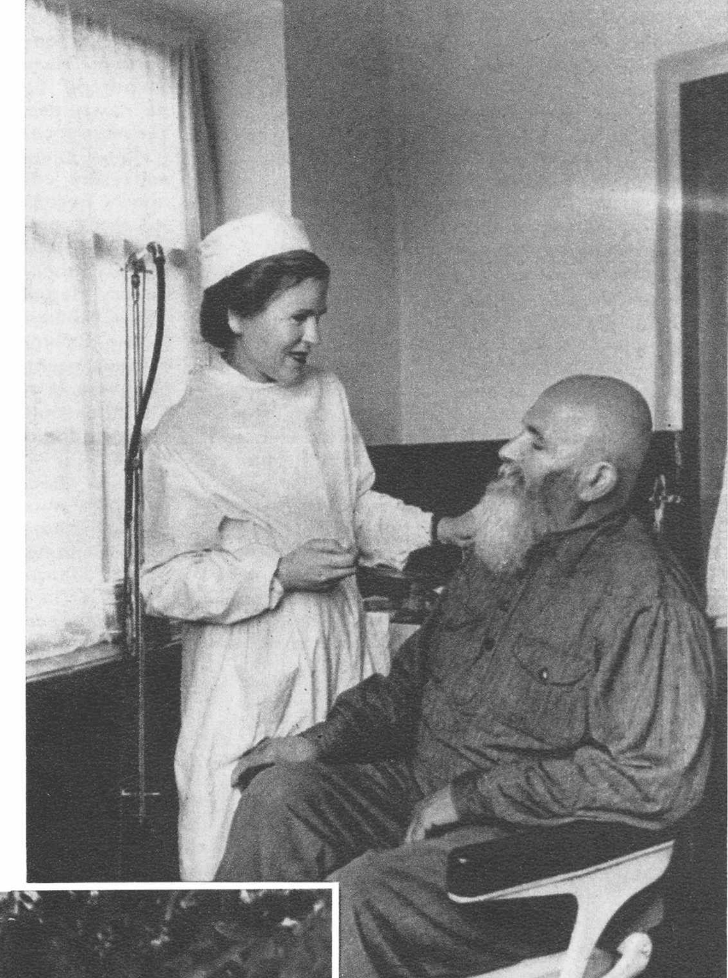
«У какого Кости? — переспрашивает радиотехник Галина Зайцева. — Серова или Репина?» Диспетчер М. А. Степанычев ждет ответа.

КОЛХОЗНАЯ

На запад от Краснодара, на берегу быстрой, вечно шумящей Кубани, раскинулась станица Марьянская. Здесь живут хлеборобы колхоза «Память Ильича», Ново-Титаровского района. Вокруг, насколько хватает глаз, видны угодья колхоза: отлично возделанные поля, орошаемые огороды, виноградники, сады. Точно крепостными строениями, окружена станица силосными башнями, ветряками, длинными корпусами животноводческих ферм.

Колхоз «Память Ильича» — многоотраслевое хозяйство, и все его от-

...Через несколько минут пассажирский автобус с надписью над лобовым стеклом «Служебная колхоза «Память Ильича» тронется в путь. Хлеборобы, животноводы, строители, механизаторы колхоза поедут в Анапу, в свой дом отдыха. Двухсоткилометровое путешествие обещает быть интересным. Дорога пойдет мимо Шапсугского водохранилища, через перевал, на южный склон отрогов Кавказского хребта.

Колхозный дом отдыха (снимок внизу) открыт в 1952 году. В первое лето здесь побывало 300 человек, в нынешнем сезоне эта цифра возрастет в два с половиной раза. Через несколько лет здесь смогут отдыхать все 2 500 колхозников.

Путевки в дом отдыха бесплатные.

Нуждающихся в специальном лечении посылают в санатории Кисловодска, Сочи, Абастумани, Железноводска. За год на приобретение путевок касса взаимопомощи истратила 60 тысяч рублей.

В зубоврачебный кабинет станичной амбулатории пришел 70-летний колхозник Тимофей Игнатьевич Юнах. Зубной врач Лидия Авксентьевна Каратыш осмотрела его и сказала:

— Вам, Тимофей Игнатьевич, надо несколько зубов вставить. Какие будем изготавливать?

— Какие нужно, — ответил старый казак. — Касса взаимопомощи мне денег выделила на самые лучшие, чтоб до ста лет хватило.

ВЗАИМОПОМОЩЬ

расли приносят доход. В прошлом году он составил 7 миллионов рублей, а в нынешнем — превысит 9 миллионов. Один процент доходов сельхозартель отчисляет кассе взаимопомощи.

К нынешнему году в распоряжении кассы накопилась солидная сумма — до 300 тысяч рублей, а кроме того имеется 100 тонн различных продуктов.

Много дел у членов правления кассы и ее председателя Тимофея Алексеевича Похно.

Вокруг станицы разбросано несколько хуторов. После укрупнения артели все хуторяне влились в один колхоз. Ребятам далеко ходить в школу. Помогая органам народного образования осуществить обязательное семилетнее обучение, касса взаимопомощи создала в станице интернат для хуторских ребят.

В большом доме оборудованы уютные спальни, комнаты для занятий, столовая.

Интернату выделяется большое количество мяса, молока, муки, сахара, овощей, фруктов. На приобретение учебных пособий, оборудования и другие нужды интерната израсходовано 10 тысяч рублей.

В. Дармодехин

Фото В. Хломова и Е. Шулепова.

В этом году более 300 семей сооружали заново или перестраивали свои дома. Касса взаимопомощи здесь не осталась в стороне. Она выдавала возвратные и безвозвратные ссуды, круглый лес, доски и кирпич.

Недавно окончил строительство нового дома колхозный кузнец Павел Прокофьевич Пивень.

В колхозе установлено строгое правило: каждый новорожденный получает приданое. Колхозница Анастасия Ахонина родила дочь. Члены правления кассы взаимопомощи А. В. Ягодка и Ф. И. Горленко принесли маленькой Зине приданое.

В текущем году приданое получили все новорожденные.

В доме колхозницы Евдокии Пантелеймоновны Дьяченко сегодня большое событие. Касса взаимопомощи приобрела семье погибшего фронтовика корову. На крыльцо вышла мать Евдокии Пантелеймоновны — Ирина Дмитриевна. С волнением смотрит она на дочь и внучек. В дни ее молодости такого и в помине не было в станице. Ирина Дмитриевна помнит, как после первой мировой войны сотни солдатских семей пошли по миру...

У ШАХТЕРОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Спросите старого чехословацкого рабочего: чья доля в буржуазной Чехословакии была одной из самых тяжелых, чей труд — самым неблагодарным? Он, наверное, не задумываясь, ответит: шахтеров. Недаром именно горняки, особенно сильно страдавшие от иноземных и чешских капиталистов, вели наиболее упорные бои за право на человеческую жизнь и труд.

Познакомимся с шахтерами народной Чехословакии, с тем, как они живут в наши дни.

☆ ☆ ☆

В горняцком поселке «Победоносный февраль» (верхний снимок), возле города Кладно, вас наверняка пригласят в гости в новую квартиру шахтера. Там за чашкой чая вам скажут, что в такие же дома с уютными квартирками из 2—3 комнат, с газом, ванной, центральным отоплением переселились уже многие шахтеры. Город для горняков и металлургов Кладненского района рассчитан на 8—9 тысяч человек, а ведь строят еще и в Остраве, и в Мосте, и в других местах. Всего с 1945 до 1952 года государство построило 12 тысяч новых квартир для шахтерских семей. Относительно же квартирной платы шахтер скажет, поглаживая усы: «Что ж, не больше пяти процентов от среднего горняцкого заработка!»

Из Кладно поезжайте в Заставку — есть такое местечко близ Брно — и спросите там Яна Форала, того самого, что проработал на шахтах уже сорок лет,— его адрес вам всякий укажет. Дома Ян покажет вам этот фотоснимок. Да и как не показать! Если бы десяток лет назад Франтишка, жена Яна, сказала ему, что летом они будут отдыхать на юге, в замке Жинковы, то Ян только горько рассмеялся бы. А теперь Форал расскажет вам об этом, как об обычном деле, и, быть может, не удержится от шутки: «Видите, здесь, на фото, я и жена — у барьера, так сказать, на втором плане. Но это только на фото так. В жизни мы с Франтишкой всегда впереди».

Но вот случится вам попасть в Соколовский район. Если умеете держать в руках охотничье ружье, идите в воскресный день с шахтерами на охоту. Не умеете — все равно идите. Сколько хороших людей узнаете, сколько самых невероятных охотничьих историй услышите! У шахтерского охотничьего клуба здесь пять с половиной тысяч гектаров угодий.

Надо сказать, что соколовские шахтеры не только заядлые охотники, но еще и большие театралы. Их драматическому кружку могут позавидовать многие рабочие коллективы художественной самодеятельности. Сейчас шахтерский драмкружок готовит историческую пьесу чешского писателя Ярослава Врхлицкого «Ночь на Карлштейне».

Раз уж вы попали в шахтерский район, просите вашего спутника, старого рабочего, показать вам шахту. С гордостью поведет он вас туда, где сам десятилетиями рубил уголь. Это уже не прежние грязные, темные норы. Находясь в штольне шахты имени Штефаника в Пржибрамском районе, залитой дневным электрическим светом, трудно даже представить, что вы — на глубине 1 500 метров под землей. Вы увидите замечательное машинное оборудование чехословацкого производства и привезенное из Советского Союза. Машина почти полностью заменила здесь ручной труд. Вы услышите от вашего спутника, что теперь, когда появилось много машин, растет выработка,— значит, и заработная плата увеличивается.

Шахтеры из Потора, получившие Красное знамя за честный, хороший труд, писали недавно советским друзьям в Донбассе, Кузбассе, Караганде, что обязательно до конца года выдадут нагора более 23 тысяч тонн угля сверх плана. Ведь тонны эти, пишут они, пойдут на пользу народу, родине, а значит, и делу мира.

Ахтинские строители

Геворк ЭМИН

Зарисовки Мартироса Сарьяна.

В прежней Армении были только реки, низвергающиеся с гор, бесноватые, бурные реки. Каналов, шлюзов, плотин на них не было. Реки бездельничали. Безжизненные их берега кое-где щеголяли желтыми и зелеными заплатами, носившими громкие названия: сад, поле, баштан...

Армения была страной баштанов и праздных рек. Счастливыми чувствовали себя редкие умельцы, заставлявшие речную воду вертеть жернова либо орошать баштаны.

Теперь в Армении трудно встретить праздную реку. Страна строится. Вода тоже взялась за дело.

Реки Армении не ахти какие — маленькие они; но ныне каждая река обслуживает несколько маленьких гидростанций, орошает площади, бывшие некогда голыми пустынями. Армения, страна праздных рек, осталась в старых песнях; она превращена в страну электрификации, страну, производящую турбины и генераторы, электропровода и люстры...

Я был недавно в Ахтинском районе. И там, как всюду, строят, строят... Прежде всего восхищают люди.

О них-то мне и хотелось хоть коротко рассказать в этих зарисовках.

Строители удивляются

Открытие головного узла. И в зале и на сцене сидят строители. На сцене — лучшие из строителей. Лучшие отличаются только тем, что немного больше сделали. Они почти не отличаются и от сидящих на сцене инженеров и руководителей строительства — те же загорелые лица, натруженные руки, понимающие, пристальные глаза...

До начала торжественного собрания прораб Григорян вдоволь набегался: распоряжался. Не успел даже переодеться. Он стоит сейчас на трибуне в рабочем костюме и осипшим от усталости голосом, словно бы равнодушно, сообщает:

— Уложены тысячи кубометров бетона.

Реакция зала:

— Ух, черт!

— Вынуто множество кубометров земли.

— Ого!..

Не удивляются разве что одни журналисты: то ли не представляют себе грандиозности этих цифр, то ли слишком часто слышали подобные и привыкли. Удивляются... строители — сами творцы этих цифр.

Им лучше знать!

Хозяин

— Убери-ка, братец, свои леса да отчаливай!..

Механик шутит, но в этой шутке проскальзывает чувство превосходства эксплуатационника над строителем, уже подготовившим объект к сдаче.

По-хозяйски измерив шагами мостик плотины, механик входит в пульт управления, садится за свежеотполированный стол дежурного и смотрит на реку.

— Теперь и эта гидростанция в моих руках,— удовлетворенно улыбается он.

Река расширилась, образовала у плотины озеро, и три дерева, оказавшись по горло в воде, вот-вот утонут.

— Придется срубить! На кой они? Выдернет их вода, неровен час, пригонит и припрет к шлюзам,— небрежно бросает механик, обращаясь к своему помощнику.

Я понимаю его, но, нечего греха таить, грустно становится от этих его слов...

Тому назад четыре года я и друг мой, инженер Хосров Дурян, сидя под этими деревьями, пытались представить себе ту плотину, на которой мы сейчас стоим.

Я рассказываю механику об этом.

— Деревья-то не беда! Вот когда достроят плотину, все село Ахпара под водой очутится... Но ты не горюй: в Нор-Ахпаре посадят такие же! — успокаивает механик, показывая рукой на раскинувшееся по левому берегу реки село Новая Ахпара.

Вода идет

— Вода идет! Вода идет! — голося, как переполошенные куры, высыпали дети из туннеля.

Вода, и верно, шла, медленно, осторожно, прощупывая дно канала, словно пробуя, надежно ли. Вода следовала за детьми. Парни постарше, обскакивая друг друга, бросали в нее шапки; девушки пели и приплясывали. Поезд, двигавшийся вдоль канала, остановился.

Инженер Экимян стоял на краю канала и вспоминал.

...Так же, как сейчас, текла вода, и так же радовались парни, бросая в нее шапки. Одним из парней был он. Давно это было, в 1924 году, в день открытия Шир-канала, когда Ашот решил стать инженером.

Но Ширакский канал не чета этому; не ровня и юноша Экимян инженеру Экимяну.

Вода уносила мелкие камни, мусор и... четырехлетнюю усталость инженера. Оставался бетон. Оставались воля, мастерство инженера, его труд.

— Ну, потопали! — сказал он своему коллеге полувесело, полупечально.

— Ничего не поделаешь! Такова уж наша профессия.

Они отправились домой, то есть отправились строить новое — новые каналы, новые гидростанции.

Дом инженера

Дом инженера Ашота Экимяна — строительство. Окончил Ашот институт — и был таков: Дзорагэс, Канакергэс, фронт, теперь вот здесь строит. Мать истосковалась по нем.

Всякий раз, когда представляется возможность где-нибудь в чистом поле разбить палатку, Ашот немедленно превращает эту палатку в «квартиру». Глядь, на стене — репродукции: Шишкин или Репин, на новеньком столике — Горький, Маяковский...

Спустя некоторое время палатка Ашота становится бараком-времянкой, барак — одной из комнат поднимающегося здания, комната — квартирой.

— Теперь заживем по-человечески,— облегченно заключают его товарищи. Но Ашот знает: если инженер обзавелся квартирой, то строительство подходит к концу и, значит, скоро вновь переселяйся в чисто поле; знает это и все-таки украшает жилье, словно и не думает расставаться с ним. Нет ванны — сделает, даже зелени насушит на зиму. Самая рачительная домохозяйка позавидует домовитости Ашота. Сегодня он старательно прилаживает фонарь. Но скажите ему, что пора перебираться на строительство нового канала,— вмиг сорвется и не оглянется. Впрочем, фонарь все-таки приладит,— не поминайте, мол, лихом! А с собой возьмет чемоданчик, чертежи, книги.

Влюбленный

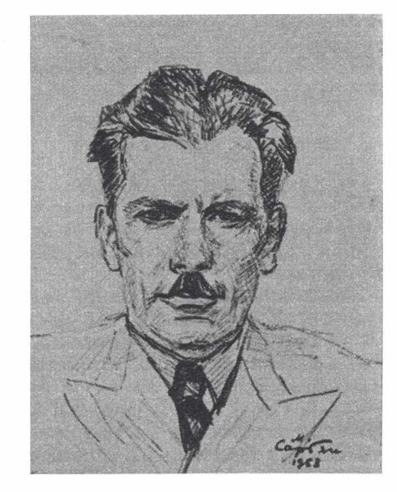
Было это на фронте. Набрел раз солдат на металлический ящик. Попробовал сдвинуть — не смог. Ящик был тяжеленный. Захотел солдат открыть его — зря лишь руки оббил. Шел Ашот мимо, заинтересовался и вдруг просиял...

Это был «Мегер» — превосходный измерительный прибор, который всегда на стройке может пригодиться.

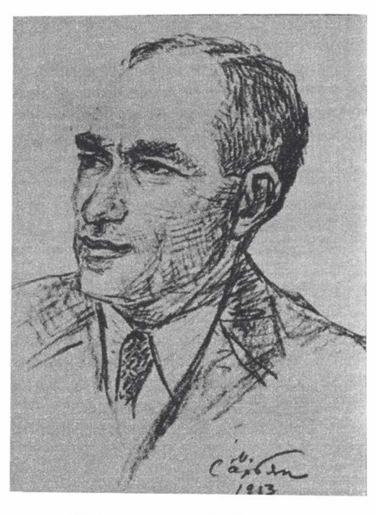
— Уступи мне этот ящик, солдат.

— Зачем он тебе?

Долго уговаривал Ашот солдата и наконец уломал — выпросил. Дело было вечером, а под утро должно было начаться наступление. «Бог его знает, что будет!» — подумал Ашот и перед боем потащил свой ящик на полевую почту и отправил его домой.

Начальник участка Н. А. Жежелевский.

Инженер А. Г. Экимян.

Многие вышучивали Экимяна. Впрочем, кто из нас не подтрунивает над влюбленным?..

Семья Ашота, худо жившая во время войны, конечно, предпочла бы, наверное, посылку иного содержания. Но Ашот был доволен: у строителей теперь будет еще один «Мегер».

В новом поселке.

Попроси Экимяна рассказать о войне, и он начнет:

— Встретился я однажды в Чехословакии с одним плотником. Небывалый был плотник. Истинный клад! Сюда бы его!..

Я читаю один из листков его дневника: «9 апреля 1945 года сдали напорную камеру Канакергэс. 13 апреля наша часть вступила в Вену.

По деривационному каналу пошла первая вода...»

Начальник строительства

Гарегин Агабабян? Хитрый он человек, что ни говори! Глянь, как улыбается! Думаешь, просто радуется пуску гидростанции? Как бы не так!

...На трибуну поочередно поднимаются туннельщик Асканаз, бетонщица Еғануш, взрывник Еранос, землекоп Бавакан, бригадир Вартхатун. Все они приехали из местных сел и четыре года назад были на строительстве так называемыми разнорабочими. Агабабян смотрит на них, улыбается, приглаживает кустики своих густых бровей. Можешь сказать, что выражает его взгляд? Нет, брат, это не просто гордость! Так вот смотрит директор института на своих выпускников.

Строительство сложного объекта явилось для них чем-то вроде технического вуза, и сегодня Агабабян мысленно уже перебрасывает их на будущие строительства: Егануш — на головной узел, Ераноса — на туннель, Бавакана — на деривацию.

— Слово предоставляется начальнику строительства товарищу Агабабяну.

— Товарищи, поздравляю вас с пуском головного узла. Я счастлив, что в своей повседневной работе учусь у вас, хоть и являюсь вашим руководителем.

— Вот вам! Видите, как повернул!..

Один из многих

Это Жежелевский. Волосы у него черные и усы черные. Похож на армянина, но он украинец. Разговаривая, окает и вместо «г» произносит «х».

Второй стройучасток — один из ответственнейших. И Жежелевский — начальник этого ответственнейшего участка.

По приезде в Армению он поступил на Канакергэс конюхом; потом стал землекопом, потом бетонщиком, через год — бригадиром. На Севангэсе, кажется, был заместителем начальника участка. А здесь...

Сами видите! Здесь он один из опытнейших начальников, искусный практик, смелый, талантливый.

Всякий раз удивляешься в подобных случаях, хотя удивляться, собственно, и нечему: если есть у тебя хоть капля таланта,— на нашей земле сделают все, чтобы капля эта превратилась в море.

Кто виноват!

С того дня прошло уже три месяца, но инженер все не унимается, и каждый раз, вспомнив о случившемся, сердито спрашивает:

— Ну, скажи на милость, откуда это берутся на белом свете этакие двуногие?

Случай действительно возмутительный. Из какого-то учреждения приехал на строительство ответственный работник. Инженер в этот день работал в туннеле — испытывал новый бетононасос. На нем была изношенная ватная телогрейка — не шлепать же по грязи, нарядившись в бостон!

Инженер вышел из туннеля вместе с начальником участка. Тот собирался в город, и на нем был хороший костюм. Ответственный работник приблизился, поздоровался с начальником участка за руку. Инженера же словно и не заметил.

— И вам обидно? Черт с ним, наконец! — говорю я.

— Да и я его послал бы к черту, если бы дело касалось меня. Я не обидчивый. Но ведь руки-то он не подал только потому, что принял меня за рабочего! Понимаете?

Инженер не может успокоиться: «Почему не поздоровался?! Именно с рабочим-то и надо здороваться в первую очередь!»

— Ваши инженеры виноваты... Должны бы они пристыдить его.

— Нет, милый...— задумчиво и серьезно говорит он.— Тут уж виноваты **ваши** инженеры, инженеры человеческих душ.

Прав человек — не возразишь!

Основатели поселка

Несколько лет назад я был очевидцем закладки первого здания в поселке строителей. В обшитом досками бараке я разговаривал с одним из основателей этого поселка — молодым инженером. Склонившись над чертежами, мы старались представить себе будущий город.

Вчера я осматривал поселок и, между прочим, нашел то место, где несколько лет назад стоял наш барак.

Перед зданием клуба я окликнул маленького школьника и спросил его:

— Кто строил поселок?

Мальчик посмотрел на меня так, как посмотрел бы на существо, свалившееся с луны.

— Как кто?! Мой папа!

Жалею, что не спросил, кто его папа.

«Историческая личность»

Рубик — сынишка кузнеца Мацо — ни дать, ни взять историческая личность. Он резвится сейчас в детском саду и ничем не отличается от своих сверстников. Он еще ничего не знает — ни о поселке, ни об истории, хоть он и вправду личность историческая. Невдомек ему, Рубику, почему это дяденьки в шляпах примчались к нему на «Победе», погладили его по головке и угостили конфетками.

Ларчик же открывается просто: Рубик — первый уроженец поселка.

Названия улиц

В поселке улицы — а их уже больше двадцати — только пронумерованы. Номера так и прилипли к туфовым фасадам домов, но по ним никто не ориентируется. Улицы, как и прежде, именуются фамилиями строителей. Одна называется улицей мастера Матенджяна, другая — инженера Дуряна, третья — штукатура Хорена, четвертая — прораба Экимяна, пятая — инженера Жежелевского...

Что касается меня, то я бы так и оставил названия, опираясь на известный закон авторского права, который часто в менее достойных случаях используем мы, братья-писатели.

Перевел с армянского
В. БАЛАСАН.

В этом квартале хотят мира

Ариель БАДАНО

Ариель Бадано — молодой уругвайский поэт-коммунист, сотрудник коммунистической газеты «Хустисия». Он недавно побывал в Советском Союзе в составе уругвайской молодежной делегации. Стихотворение «В этом квартале хотят мира» помещено в его первой и пока единственной книге «Сражающаяся заря», вышедшей в текущем году в Монтевидео, столице Уругвая.

Я знаю эти улицы, мои родные улицы
с их воздухом, и запахом, и шелестом платанов;
здесь дети к солнцу тянутся, топча сухие листья,
здесь ищет пропитания, как может, воробей,
а дачный поезд с жалобой отсюда убегает.

Я знаю эти улицы и двери всех домов:
я знаю пекаря Хосе,
его тележку
и бодрую лошадку с бубенцом;
я знаю донью Мануэлу,
она садится в самый ранний поезд
с большим тюком белья из стирки;
я знаю красные глаза портнихи Анны
и школьницы заштопанный передник...

Я знаю их давно и думаю о них,
когда газетчики на жизнь клевещут,
когда они твердят
о новой мировой войне.

На этих бедных улицах, в моем квартале скромном,
здесь чистые сердца, здесь все
свой день оплачивают пóтом
и одного хотят: жить в мире.

Пусть явятся газетчики в квартал мой на рассвете,
когда здесь до работы очередь стоит
за каплей молока, за черствым хлебом [1];
пусть вечером придут, когда из профсоюза
рабочий возвращается домой,
чтоб принести жене смертельную усталость;
когда не спит он над больным ребенком
и коротает ночь, счета перебирая, —
проклятые счета, вовек не оплатить их!..

Года мучительны, и легкие больны.
Как заработать хлеб на воскресенье!
Здесь жизнь уже с пеленок узнают,
и точно знают здесь, кому нужна война
и кто за мир.

Спросите сами пекаря Хосе,
Мигеля — токаря, монтера Мануэля,
Хуана, выкинутого с завода
за то, что песню мира подтянул...

На этих старых улицах все знают: на войне
мы будем жертвами, польется наша кровь,
погаснут наши жизни, очаги, надежды;
ведь для того, чтоб акции полезли вверх,
чтоб выплатить большие дивиденды,
народу надо умирать.

Здесь это знают все... На этих тихих улицах
с их воздухом, и запахом, и шелестом платанов
Хосе и Анна, Мануэль, Мигель, Антонио, Хуан —
весь мой квартал за мир!

Перевел с испанского
О. Савич.

[1] Черствый хлеб по весу легче и потому выгоднее.

Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ. К 60-летию со дня рождения.

«Огонек». 1953.

Лучшая ковровщица артели имени Котовского в Тирасполе (Молдавия) Галина Стадник, выполняющая нормы на 150 процентов.

Фото Я. Рюмкина.

В ЧЕСТЬ ДВАЖДЫ ГЕРОЕВ

Установлен еще один монумент храбрейшему из храбрых — дважды Герою Советского Союза. Виталий Иванович Попков, удостоившийся этого высокого звания, уроженец Москвы. На Самотечном бульваре, среди деревьев и клумб, высится теперь на высоком постаменте из украинского мрамора его бронзовый бюст.

Виталий Попков (в форме морского летчика) стоит, окруженный родными, друзьями, земляками.
Фото Дм. Бальтерманца.

Виталий Попков был совсем юным, когда в грозный 1943 год ему присвоили звание Героя Советского Союза. На своем истребителе он бесстрашно сражался с врагом в небе Сталинграда, на Орловско-Курском направлении, участвовал в освобождении дружественного польского народа. На боевом счету летчика сорок сбитых самолетов противника. К концу войны капитан Попков удостоился второй Золотой Звезды.

И вот мы видим Виталия Ивановича на торжественном открытии монумента. За послевоенные годы Попков успел окончить Военно-воздушную академию, стал подполковником. Сейчас он прилетел издалека, где командует авиационной частью. На нем форма морского летчика, и московские друзья с трудом узнают товарища. Но все так же приметны на его мужественном лице следы от ожогов, полученных в воздушном бою.

Виталий Иванович стоит, окруженный родными, друзьями, земляками, собравшимися на торжество.

Упало покрывало, и взору открылся монумент, созданный молодым скульптором лауреатом Сталинской премии Л. Е. Кербелем и архитектором Л. Г. Голубовским.

Всего в нашей стране будет воздвигнуто сто десять бюстов дважды Героев. Осталось установить еще три бюста.

Большинство монументов построено в селах. Семьдесят два бюста установлено в Российской Федерации, двадцать семь — на Украине, шесть — в Ленинграде. Четырех дважды Героев дали села Полтавщины, пятерых — Подмосковье.

Над бронзовыми бюстами дважды Героев Советского Союза работали десятки скульпторов Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Минска, Еревана и других городов страны.

Я. ЯКОВЛЕВ

Воины прощаются. Слева направо: М. Шолохов, П. Попович, А. Лыков и П. Кононов.
Фото автора.

Они пришли на завод

Сегодня они последний раз стоят в солдатском строю. На сосредоточенных лицах воинов — печать глубокой взволнованности.

Волнение чувствуется и в голосе офицера. Он говорит о том, что истек срок воинской службы и солдаты уезжают домой из армии, которая их многому научила и крепко, навсегда сдружила.

Внимательно слушают солдаты офицера и припоминают всю свою воинскую жизнь, вплоть до последних дней, когда начались приготовления к отъезду: командиры принимали самое главное и святое имущество пехотинца — карабины и автоматы, с которыми столько раз приходилось переползать на учениях, стоять вьюжные ночи в караулах. Боевое оружие осталось там, в казармах, но, расставшись с ним, солдаты будут еще долго помнить номера своих автоматов и карабинов, как имена верных друзей.

Не забудет воин и той минуты, когда он получил фотографию, на которой снят при развернутом знамени части,— почетная награда за отличные успехи в боевой и политической подготовке.

Командир пожелал воинам счастливого пути, успехов в мирном труде и поблагодарил за честную, самоотверженную службу в Вооруженных Силах.

В ответ грянуло:

— Служим Советскому Союзу!

Через несколько минут первая группа демобилизованных отправится на вокзал. Чемоданы и вещевые мешки уже лежат в кузовах грузовиков. Солдаты оставляют друг другу адреса, прощаются. Вот скрестили руки в одном рукопожатии четверо друзей: Шолохов, Попович, Лыков и Кононов. Михаил Шолохов уезжает в Чкаловскую область, где намерен поступить трактористом в МТС; Петр Попович поедет в Джамбул — он киномеханик; Александр Лыков, шофер второго класса, тоже направляется в Казахстан, а Павел Кононов держит путь в Самарканд, где работал раньше на чаеразвесочной фабрике.

Кого ни спросишь, каждый уже знает, чем будет заниматься. Даже те, у кого еще нет профессии, уверены: они приобретут специальность по душе.

Раздалась команда: «По машинам!» Грузовики тронулись, и вместе с ними помчалась бодрая, звонкая солдатская песня. Она вспыхивала и на вокзале и в поезде, принимавшем на больших станциях и полустанках все новых пассажиров в серых шинелях.

* * *

Из вагона ловко выпрыгнул на перрон сержант Алексей Федотов, за ним вышли его попутчики: младший сержант Николай Буриков, рядовой Александр Захаров, сержант Алексей Бороздин, старший сержант Анатолий Морозов.

— Здравствуй, Рязань! Встречай земляков!

Здесь, в Рязани, пятерым демобилизованным предстояло начать новую жизнь. Из пятерых только один Захаров имел специальность: он работал до армии заливщиком на станкостроительном заводе. Лишь двое были обеспечены в городе жильем. Троим же предстояло что-нибудь предпринять.

Посовещались, зашли к коменданту. Комендант позвонил на предприятия и, выслушав ответы, улыбнулся: конечно, всюду нужны молодые люди из армии.

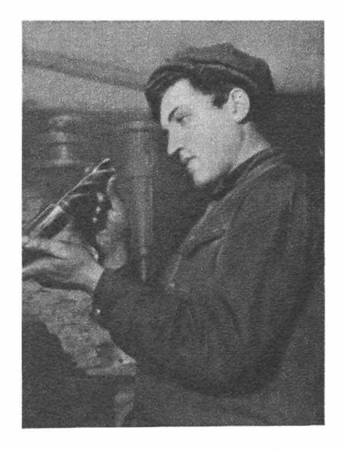
Решение принято: трое идут на станкостроительный завод, двое — на «Сельмаш». Всех их ждет общежитие.

* * *

Встречаясь на улице, в клубе или в общежитии, пятеро друзей делятся новостями. А их немало: Бороздин стал комсомольцем, посещает вечернюю школу, Федотов овладевает двумя специальностями, Морозов уже получил квалификацию токаря третьего разряда.

Друзья быстро нашли свое место в новой жизни и занимают его так же прочно и уверенно, как недавно занимали место в солдатском строю.

Вл. РУДИМ

А. Федотов успешно работает на станкостроительном заводе.
Фото О. Кнорринга.

Мраморные изделия

Во дворе Ленинградского мраморно-распиловочного завода имени Колесова лежат штабелями белые, желтые, розовые мраморные плиты, приготовленные к отправке.

Сегодня отсюда отгружена партия деталей, которые пойдут на облицовку холла и вестибюля Дворца культуры и науки имени И. В. Сталина в Варшаве. Свыше месяца заводской коллектив трудился над выполнением этого заказа. Одновременно здесь отделывают мрамор для крупнейшего в Советском Союзе универсального магазина — ГУМа — в Москве.

...Пройдемся по цехам завода. Вот желтоватая глыба, доставленная с Урала, с прохорово-баландинских разработок. Белый обломок скалы тоже уральский. Серый и красный мрамор привезен с грузинских разработок. Некоторые куски мрамора уже имеют форму правильных прямоугольников — самые твердые породы режет быстро и ровно машина лауреата Сталинской премии Столярова.

П. Н. Булкин с группой учеников.
Фото Н. Карасева.

В одном из цехов глыбы мрамора распиливают на доски, которые затем поступают на фрезерный и полировочный участки.

В цехе строительных деталей, склонившись над кусками мрамора, трудятся резчики. Работа у них точная, почти ювелирная. Один лишний удар молотком по зубилу — и деталь будет безнадежно испорчена. Молодые резчики Юрий Кузнецов, Василий Дикой и Николай Колобков успешно изготовляют изящные детали.

В цех пришла группа учеников школы фабрично-заводского обучения № 6. Они работают под руководством Павла Николаевича Булкина, старейшего резчика. Семнадцать групп учеников проходили практику у Павла Николаевича. Многие из них уже стали мастерами художественной резки по мрамору и работают не только в Ленинграде, но и в других городах страны.

Скоро завод начнет выпуск красивых и дешевых письменных приборов, пепельниц и других изделий для домашнего обихода.

П. ПИРОГОВ

КАК МЫ ВАС ОБСЛУ

П. АНТОНОВ, Я. РЮМКИН

Некоторые профессии особенно привлекательны: летчик, конструктор, моряк. Но существует и такая профессия: продавец. И если советские люди, уходя из магазина, довольны тем, как их там обслужили, вполне законна гордость продавца своим трудом.

В ближайшие три года в стране откроется сорок тысяч новых магазинов. Идет подготовка огромной армии продавцов. В Московскую городскую школу торгового ученичества в сентябре поступило шестьсот человек. Практику они проходят во многих продовольственных магазинах Москвы.

В магазине № 7 на улице Горького двадцать восемь таких практикантов. Все они окончили семилетку и сейчас снова учатся.

Рабочий день здесь начинается прежде, чем откроется магазин: надо приготовить продукты, разложить их, заранее расфасовать наиболее ходовые, чтобы люди зря не простаивали в очереди.

А потом, когда все товары подготовлены, можно позаботиться и о своей внешности.

Инструктор школы Нина Сергеевна Кузнецова иной раз спросит что-нибудь совсем неожиданное: «А календарь вы, девочки, хорошо знаете?» — «Почему календарь?» — «А потому, что некоторые «дни пик» по календарю можно определить. Например, окончание учебного года в школе. За подарками детям приходит много народу. Не подготовишься заранее, очереди выстроятся».

...ЖИВАЕМ?

Есть такое слово, которое недавно еще казалось очень мудреным: органолептическое определение продукта. Продукт надо уметь распознавать по внешнему виду, на разрез, на вкус, и всегда безошибочно, даже тогда, когда колбасы, например, обернуты шпигом и разные сорта похожи друг на друга, как родные братья.

— Ну хорошо, вот вы определили все правильно,— говорит школьникам инструктор. — Покупатель спрашивает у вас полтавскую колбасу. Допустим печальный случай: нет полтавской. Что вы тогда будете делать?

— Предложу краковскую,— догадывается Саша Зайцева,— они ведь почти одинаковые. Может, покупатель и согласится.

— Дельный ответ.

Главное, что необходимо в науке торговли,— это предупредительность в отношениях с покупателями. Поэтому книга жалоб и предложений стала для учеников одним из учебных пособий: требования покупателей — закон для продавца, замечания покупателей — урок.

Вначале трудно было отучиться говорить покупателям: «тетя», «дядя». Некоторых ребят удивляло:

— Да что же это, Нина Сергеевна? Значит, и шестилетнюю девчонку я тоже должен на «вы» называть?

— А как же ты думаешь? Она покупатель!

Наконец двери магазина гостеприимно открыты. Торговля начинается. И сразу же возникает множество больших и маленьких проблем, которые нужно разрешить на месте.

Не простая, например, задача — правильно разделать тушу. Но это, оказывается, лишь первая стадия обучения.

А вот вторая стадия, уже более сложная.

— Отрезал, Женя?

— Отрезал.

— А для чего ты отрезал?

— Как для чего? Для продажи.

— А что из этого куска приготовить можно?

— Так это же... покупатель сам знает, для чего берет.

— Покупатель может и знать, может и не знать. Тогда ты посоветовать обязан. Для первого блюда — челышко, грудинка, для второго — кострец, огузок... Из мозговой косточки подбедерка — хороший бульон, прозрачный... Да ты записывай, записывай!

И Женя с Юрой начинают записывать: оказывается, и это знать необходимо!

☆ ☆ ☆

— Взвесила, Лидочка?

— Взвесила.

— Ну, а теперь быстро подсчитай в уме, сколько это стоит!

Значит, и математиком надо быть хорошим — тогда и покупателя обслужишь быстрее.

Свободное время ученики тоже стараются проводить вместе: несколько раз ходили в кино, в музеи. Выбирали, кто будет руководить культсектором. Выбрали Низовца. Гордый поручением, Низовец развил бурную деятельность. Сегодня он берет для коллектива билеты на фильм-спектакль «Враги». На две серии сразу.

☆ ☆ ☆

Вечером здесь подводят итоги. Сегодня девочки из мучного отдела — молодцы. У всех, кто покупал муку, они спрашивали: не требуются ли дрожжи? И действительно: покупатель может забыть, а вы напомните.

А в колбасном отделе до того культуру обслуживания «довели», что несколько раз принимались нарезать колбасу покупателям, которые не просили об этом. Нужно быть внимательнее!

Отлично придумали девочки из гастрономического отдела. Они в подсобном помещении взвесили кур, подсчитали и над каждой написали вес и цену. Именно поэтому в гастрономическом сегодня не было очереди.

А если инструктор чем-нибудь недоволен, кто-нибудь из учеников успокаивает:

— Вы, Нина Сергеевна, не волнуйтесь. Через восемь месяцев, когда будем кончать учение, покупатели со всей Москвы станут сбегаться в наш седьмой продовольственный: своими глазами посмотреть на магазин, в котором их обслуживают идеально!

Что же, будем надеяться!

Близ трассы газопровода строятся теплицы, которые будут отапливаться газом.

Свежие помидоры в ноябре

За стенами теплицы колючий ветер гонит тучи пыли, лужи подернуты тонким ледком. А тут, во влажном воздухе, тянутся ввысь стебли помидоров, расцветшие яркокрасными шарами спелых плодов. Колхозницы собирают в ноябре свежие помидоры.

Рядом с просторным корпусом, протянувшимся в поле за околицей деревни Чагино, работают землекопы: они роют траншеи для новых теплиц. Эти рабочие направлены сюда «Мосгазопроводстроем» согласно договору, заключенному им с правлением колхоза имени 3-й пятилетки, Ухтомского района, Московской области.

Пар, отапливающий колхозную теплицу, поступает по трубопроводу, проложенному от корпусов одного из московских заводов.

Прежде этот отработанный пар не использовался. Но вот укрупненный колхоз-миллионер по-хозяйски взялся за дело. Был составлен проект, началось строительство. И вскоре меж деревней и заводом в поле вырос стеклянный корпус теплицы.

Об этом почине колхоза говорил Н. С. Хрущев в докладе на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. Сейчас инициатива колхозников широко подхвачена в Ухтомском районе. На базе тепловых отходов завода колхозы и совхозы, расположенные по соседству с ним, начинают строить крупные тепличные хозяйства.

Неподалеку от деревни Жулебино проходит трасса газопровода. В 150 метрах от нее колхозники строят три теплицы общей площадью 3 тысячи квадратных метров. Рядом сооружаются парники на тысячу рам. В котельной, снабжающей паром и горячей водой теплицы и парники, используют саратовский газ. Это первое в нашей стране тепличное хозяйство, отапливаемое газом, в новом году вступает в строй.

Колхозницы собирают в теплице свежие помидоры.

Фото А. Гостева.

Большие работы ведутся колхозами по осушению заболоченных земель в пойме реки Пехорки. Над равниной, еще недавно залитой осенними дождями, высятся стрелы экскаваторов. По берегам лежат кучи ила, вынутого ковшами со дна реки. Углубленная Пехорка не будет больше заливать прилегающие к ней луга, а ил пойдет на удобрения. На площади в три с лишним тысячи гектаров раскинутся посевы трав, картофеля, овощей.

С. МЕСЯЦЕВ

Памяти М. Ильина

15 ноября, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался известный писатель, один из зачинателей советской научно-художественной литературы, М. Ильин — Илья Яковлевич Маршак.

И. Я. Маршак родился в 1895 году в семье изобретателя. Окончив гимназию, он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, откуда с 3-го курса ушел работать на завод. Работая и учась, он завершил образование и в 1925 году окончил Ленинградский технологический институт.

Еще на студенческой скамье М. Ильин начал печататься в периодических изданиях: в детском журнале появились его очерки «Новый Робинзон».

Имя М. Ильина очень популярно в самых широких кругах читателей нашей страны, особенно среди молодежи. На протяжении трех десятилетий его мастерски написанные научно-популярные произведения публикуются в газетах и журналах, передаются по радио, выходят отдельными книгами.

Перу М. Ильина принадлежат «Рассказы о вещах», «Рассказ о великом плане», «Горы и люди», «Сегодня и вчера», «Как человек стал великаном» (в соавторстве с Еленой Сегал), «Человек и стихия», «Завод-самоход» и другие.

В последние годы М. Ильин, несмотря на изнурительную болезнь, продолжал активную творческую деятельность.

В соавторстве с Е. Сегал им написаны книги: «Преобразование планеты» — о переделке природы, биография Бородина (серия «Жизнь замечательных людей»).

Произведения М. Ильина переводились за рубежом, они издавались на многих языках: в Китае, в странах народной демократии, в Англии, США, Франции, Японии, Швеции, в Южной Америке, в Австралии.

Книги М. Ильина, вдохновенно рассказывающие о достижениях науки и техники, о выдающихся ученых, еще долго будут волновать и увлекать нашего читателя.

ВОЛОГОДСКОЕ МАСЛО

Вологодское масло! На прилавках магазинов тяжелые глыбы сливочного масла всех сортов: сладкое, соленое, экстра. Но едва ли не каждый покупатель спросит:

— А нет ли у вас вологодского?

Своеобразна природа вологодского края. До поздней осени стоят здесь в лугах и лесах яркозеленые травы. Летом солнце греет нежарко, травы не сохнут, и молоко породистых коров приобретает особый, ни с чем не сравнимый привкус ореха. Этот ореховый аромат передается вологодскому маслу. Оно делается сладковатым, особенно душистым.

...Маслозавод имени 15-летия Октября. Еще на рассвете от заводских ворот отходят машины, чтобы на колхозных фермах собрать только что надоенное молоко. Завод, помимо масла, выпускает сгущенное и порошковое молоко. В этом году сгущенного молока будет выпущено на 30 процентов больше, чем в прошлом. Уже намного перевыполнен годовой план выпуска молока в порошке. Оно идет для зимовщиков Крайнего Севера, для экипажей судов, уходящих в арктические рейсы, для охотников.

В ближайшее время завод начнет вырабатывать новую продукцию — скороспелые сыры. Это как бы полуфабрикат различных сортов плавленых сыров, пользующихся большим спросом у советского потребителя.

Недавно сюда приезжала Капитолина Смирнова, мастер Верхне - Вологодского маслозавода. С ней встречалась местная мастерица Софья Головина. Обе они изготавливают масло вот уже более 20 лет. Капитолина Смирнова вырабатывает вологодское масло; в отличие от любительского в нем почти нет белка. Она пробует масло, изготовленное Головиной, хвалит:

— Неплохое, но наше больше пахнет орехом.

Софья Головина не сдается:

— Любительское нежнее. Дело вкуса.

Вдвоем они обходят цехи, осматривают каждую мелочь. На прощанье Капитолина Смирнова говорит:

— Будем делать и вологодское, и любительское, и новые сыры, и сгущенное молоко!

И. ВОЛК

Капитолина Смирнова и Софья Головина дегустируют масло.

Фото А. Жидкова.

Русский скульптор

На днях Академия художеств СССР специальным заседанием отметила 200-летие со дня рождения крупнейшего русского скульптора Михаила Ивановича Козловского. После вступительного слова М. Г. Манизера был заслушан доклад о творчестве Козловского.

В 1799 году чудо-богатыри Суворова совершили героический переход через Альпы. В честь этого подвига скульптор Козловский создал статую «Геркулес на коне», в которой он воспел бессмертную доблесть воинов — по традициям того времени в аллегорической форме.

Вскоре скульптор вернулся к этой же теме: в 1801 году он создает свой знаменитый памятник великому полководцу, памятник, который и поныне стоит в Ленинграде. И здесь в иносказательной форме повествует скульптор о своем замечательном современнике.

Третьяковская галерея располагает моделью этого памятника, на которой Суворов изображен вполне реалистически и с полным сходством. Но не это было для скульптора главным. Его воодушевляла мысль запечатлеть в величественном монументе славу русского оружия, и он эту задачу выполнил: именно как монумент воинской славы и воспринимается памятник.

Михаил Иванович Козловский родился в 1753 году в семье «галерного флота трубачевского мастера». Еще мальчиком Козловский стал воспитанником Академии художеств. Двадцати лет он окончил ее с золотой медалью, а с 1794 года — уже академик, профессор скульптуры — начал преподавать в ней. Умер Козловский в 1802 году. «Воображение пламенное, сочинение умное, исполнение решительное отличали все выходившее из рук сего знаменитого художника», — так писали о скульпторе в XIX веке.

Мировую славу приобрела скульптурная группа Козловского «Самсон, разрывающий пасть льву». Это центральная скульптура большого каскада фонтанов в Петродворце. Она была разрушена фашистскими захватчиками. Ныне на том же месте установлена отлично исполненная копия.

Е. БРАГИН

Модель памятника Суворову.

Магазин в Измайлове

Сталинский район столицы — промышленный район. За последние годы значительно выросла его окраина — Измайлово. Высятся многоэтажные жилые дома, построены клубы, магазины, столовые.

...Обеденный перерыв еще не кончился, а у магазина № 56 «Москниготорга» собрался народ. Один из самых молодых в районе — он открылся всего два года назад,— этот магазин снискал большую популярность среди покупателей.

За прилавком стоит старший продавец Анна Федоровна Деева. Внимательная, вежливая, знающая свое дело, Деева — настоящий советский продавец книги.

Вот к прилавку подходит пожилая женщина. Преподавательница одной из школ района, она ищет специальную литературу по педагогике. Анна Федоровна записала адрес и, когда нужные книги появятся, пошлет ей открытку.

Большой знаток детской литературы — комсомолка Анна Алешина. Юные покупатели прислушиваются к ее советам. Сегодня многие из них уходят особенно довольные, унося с собой «Приключения Тома Сойера».

В магазине заведено такое правило: если нет нужной книги, постараться получить ее с базы. Часто организуются читательские конференции, на которых выступают и рядовые продавцы и директор Иван Васильевич Чернышов.

За прилавком — А. Ф. Деева. Фото Е. Тиханова.

Работники магазина тесно связаны с библиотеками, школами, клубами своего района. В августе в помещении 444-й школы проходили совещания учителей — магазин устроил там свой киоск. Когда в одном из клубов собрались строители Московской области, для них подобрали специальную литературу, выделили двух продавцов.

На днях коллектив узнал радостную новость: ВЦСПС и Министерство культуры СССР, подведя итоги социалистического соревнования в системе Главиздата за III квартал этого года, присудили магазину № 56 премию.

Т. ГЕОРГИЕВ

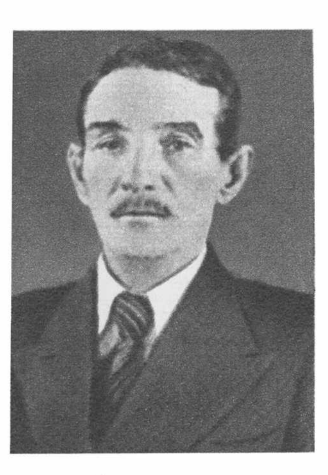
ПОЭТ-ТКАЧ

23 ноября исполняется 70 лет со дня рождения одного из старейших рабочих-поэтов — коммуниста Александра Николаевича Благова.

Он родился в 1883 году в селе Сорохте, бывшей Костромской губернии. Отец и мать вечно бились в тисках нужды и в поисках заработка на целые годы уезжали в Иваново-Вознесенск.

«Я с сестрой Марьей,— писал А. Благов в автобиографии,— жил у бабушки в Сорохте. Своей избы мы не имели и жили там, где нас пускали, а кормила нас добрая бабушка тем, что успевала выпросить у людей».

Мальчика удалось определить учиться в начальную школу, а с 12 лет он стал

А. Н. Благов.

работать батраком, затем ткачом.

Фабриканты считали А. Благова опасным рабочим; его имя было занесено в «черные списки».

Когда в 1912 году среди рабочих Иваново-Вознесенска развернулась кампания по сбору средств в фонд большевистской «Правды», А. Благов принял в этой кампании деятельное участие, за что был уволен с фабрики.

В своих стихах Благов выражал веру в счастливое будущее рабочего класса. Среди его дореволюционных стихов особенно интересны «Десять писем», адресованных другу — текстильщику А. Д. Вицыну — и представляющих собою развернутую картину тогдашней жизни провинциального города.

После Октябрьской революции А. Благов попрежнему трудится на текстильных фабриках. Но это был уже новый труд, вызвавший к жизни и новые песни.

Произведения поэта стали все чаще появляться в газетах. В 1919 году в Москве был издан первый сборник стихотворений А. Благова — «Песни рабочего». Впоследствии вышло еще 10 его книг.

«По разным темам не кочуя», Благов пишет о жизни ткачей. Он автор и сатирических стихотворений, остроумных и метких, направленных против самовлюбленных обывателей, против мещан, готовых в угоду мелкому личному благополучию жертвовать интересами народа (например, «Вопрос»).

К заслугам А. Благова надо отнести его умение быстро, оперативно откликаться на выдвигаемые жизнью вопросы, причем некоторые стихи, написанные им для газеты 10 и 20 лет назад, до сих пор не утратили своей свежести и остроты. Ряд стихов поэта положен на музыку. Александр Николаевич попрежнему активно участвует в общественной жизни, горячо откликается своими стихами на волнующие его современников вопросы.

Г. ГОРБУНОВ

На зарубежных стадионах

До конца состязания оставалось четыре минуты. Счет был 1:0 в пользу сборной команды Чехословакии. Московские динамовцы прилагали все усилия к тому, чтобы отыграться. Одна атака сменяла другую. Наконец мяч оказался в сетке ворот Чехословацкой команды. Счет — 1:1.

Так и закончилось в минувшее воскресенье это интересное, напряженное состязание советских и чехословацких футболистов.

Накануне московские динамовцы провели матч в городе Жилин со сборной командой Словакии. И там в течение всего соревнования шла упорная борьба. Сначала хозяева поля, а затем динамовцы вбили по мячу, и встреча закончилась ничьей.

В городе Брно москвичи выступили против горняцкой команды «Баник». Пять мячей были забиты в ворота шахтеров. На сей раз хозяева не сумели ответить ни одним голом.

Столичная команда «Торпедо» четырежды выступала в различных городах Германской Демократической Республики. Две игры — у команд «Активист-Ост» (город Брисхе) и «Турбина» (город Эрфурт) — москвичи выиграли. В Берлине же они проиграли клубу «Форвертс» и сделали ничью со сборной командой демократического Берлина.

Успешно выступают ленинградские футболисты общества «Зенит». Все три встречи, проведенные в Финляндии, они выиграли сравнительно легко: у спортсменов Хельсинки — 2:0, у команды Тампере — 6:1 и в городе Васа — 4:0.

В прошлое воскресенье ленинградцы провели пер-

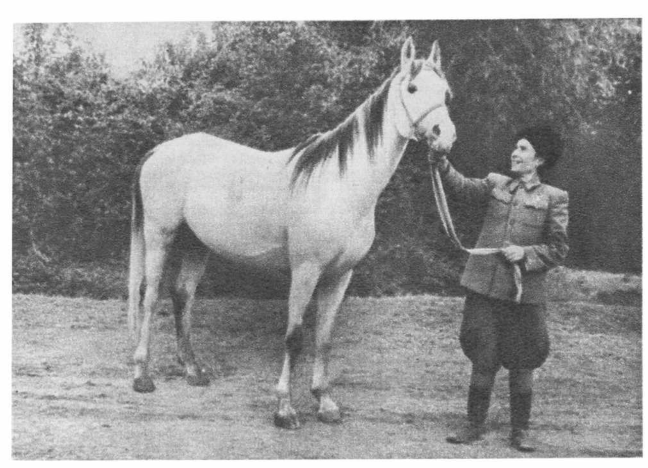

Встреча советских и чехословацких футболистов в городе Брно. Капитаны команд обмениваются вымпелами. Фото Чехопресс.

вую игру в Норвегии. Их соперниками были футболисты клуба «Спарта», занимающие второе место в розыгрыше первенства страны. И эту встречу ленинградцы выиграли. Счет — 2:1.

Команда тбилисского «Динамо» дважды уже состязалась с румынскими спортсменами. В Бухаресте она проиграла местным динамовцам (1:2), а в городе Арад свела к ничьей (2:2) игру с местным коллективом «Фламура Рошие».

Судьба Буяна

Заведующий конефермой Т. Рустамов с Буяном.

Многие кинозрители, наверно, помнят прекрасного четвероногого «артиста», статного красавца жеребца Буяна из фильма «Смелые люди». Не раз спасала умная лошадь героя фильма, помогала ему в самые напряженные моменты...

По окончании киносъемок Буян, настоящее имя которого — Поводок, вернулся на свой конезавод.

Весной нынешнего года представители колхоза имени Кирова, селения Хатынлы, Таузского района, Азербайджанской ССР, поехали в Ставропольский край, на Терской конный завод, чтобы купить племенного жеребца для конефермы. Им предложили Буяна. Азербайджанские коневоды хорошо помнили его еще по фильму и охотно согласились. Красивый, смелый — любая конеферма сочла бы за честь иметь такого жеребца! Не без грусти расставались работники завода со своим любимцем.

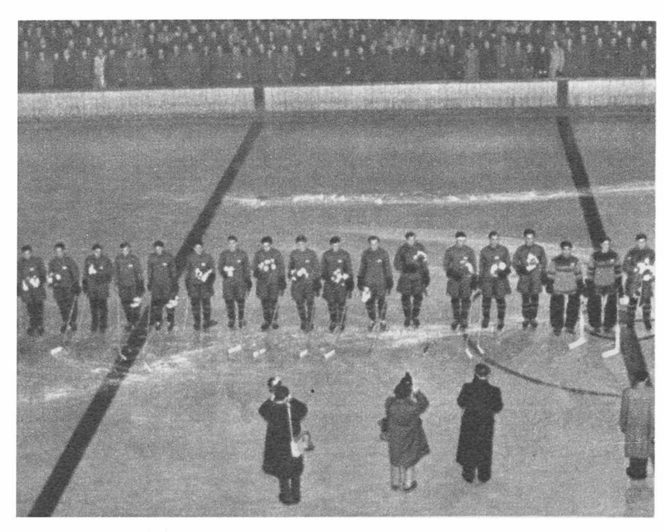
Так Буян очутился на коневодческой ферме колхоза имени Кирова, в Азербайджане.

Он быстро освоился в незнакомом месте. Любопытно, что иной раз, резвясь, он как бы танцует, подает «руку», притворяется спящим,— видимо, Буян еще не забыл своей артистической карьеры...

Животноводы колхоза имени Кирова известны в республике как мастера по выращиванию коней. В течение многих лет фермой руководит Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Тайяр Рустамов. Сейчас на ферме 435 лошадей. Благодаря хорошему уходу за лошадьми в нынешнем году от 90 маток получено и сохранено 90 жеребят.

Т. РАДЖАБЛИ

Московские хоккеисты в Чехословакии

Советские хоккеисты на Зимнем стадионе в Праге перед началом состязания. Фото Чехопресс.

Чехословацкие хоккеисты имеют хорошую репутацию. Они, как известно, очень успешно выступили на зимних олимпийских играх и не раз одерживали победы над сильными коллективами Швеции и Норвегии.

В ноябре на зимних стадионах Праги, Братиславы и Остравы сборная команда Чехословакии состязалась с московскими хоккеистами.

Эти игры привлекли десятки тысяч зрителей. В Праге москвичи выиграли со счетом 7:3, в Остраве — 6:4, а в Братиславе напряженная борьба не дала перевеса ни одной, ни другой команде. Счет — 2:2.

Московские спортсмены показали хорошую сыгранность. Игра первой пятерки, в которой отличились Е. Бабич и В. Шувалов, не раз вызывала одобрение зрителей.

Чехословацкая газета «Обрана лиду» заметила, что советские хоккеисты — испытанные мастера и как таковые дали нашим спортсменам хороший урок. Они превосходили чехословацких хоккеистов прежде всего в скорости...

Sowjetische Arbeiter besuchten die deutschen Werktätigen

Страница из журнала «Иллюстрирте рундшау», посвященная пребыванию в ГДР советской рабочей делегации. На верхнем левом снимке: Николай Чикирев на заводе имени Карла Либкнехта в Берлин-Обершёневайде.

ОТВЕТНЫЙ

Г. БОРОВИК

Фото Дм. Бальтерманца.

Вместе с членом рабочей делегации Германской Демократической Республики, приехавшей на Октябрьские праздники в СССР, Генрихом Клемпертом мы рассматриваем августовский номер немецкого журнала «Иллюстрирте рундшау». В нем помещен фоторепортаж о пребывании советской рабочей делегации в ГДР. Короткий рассказ журналиста о радушном приеме, который был оказан советским рабочим в Германии, токарь Генрих Клемперт дополняет интересными подробностями.

— Мы у себя на трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта,— говорит он,— конечно, читали о том, как работают советские токари. Но, понимаете, какая штука: наши рабочие не задумывались над этим, а некоторые даже сомневались, не преувеличивает ли здесь ваш брат — журналист. Когда же к нам на завод приехали Николай Чикирев, Павел Быков и их товарищи, многие из наших не верили, что они могут нас чему-нибудь научить: квалификация, мол, у нас не хуже. И вот пришли они к нам в цех. Надели халаты. Быков стал за мой станок, Чикирев — за чей-то еще,— и мы увидели, что́ значит работа советского токаря-скоростника. Рассказать об этом трудно, это видеть надо!.. К станкам собрались все, кто мог, и чуть ли не три часа продержали там советских гостей, просили показать еще и еще. С тех пор мы считаем себя учениками Чикирева и Быкова, а долгом своим — распространять их методы по всей стране...

Первый визит — к детям.

У станка второй слева — Генрих Клемперт, четвертый — Николай Чикирев.

И вот Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, тот самый, где работает лауреат Сталинской премии Николай Чикирев, принимает рабочую делегацию Германской Демократической Республики. Среди 14 гостей — лучшие рабочие, избранные коллективами десяти крупнейших машиностроительных заводов ГДР.

Первый визит германские рабочие нанесли обитателям одного из детских садов завода. Юные хозяева охотно исполнили гостям все то, что полагается исполнять в таких случаях: пели хором, читали стихи. Немецкие рабочие слушали их, сидя на маленьких детских стульчиках, упирая подбородки в колени. Когда «представление» окончилось, к притихшим малышам подошел слесарь Иоганнес Пёнак и очень серьезно сказал: «Делегация немецких машиностроителей благодарит вас, дорогие ребята, за песни и стихи. Делегаты дарят вам эту куклу в знак нашей с вами дружбы, а также в знак того, чтобы никогда не было больше войны».

...Начался осмотр завода. Делегаты проходят по лабораториям, внимательно слушая объяснения, но чувствуется, как они рвутся дальше, как хочется им поскорее попасть туда, где стоят станки. Наконец — цех. За одним из станков работает коренастый веснушчатый паренек. Рядом с ним — фанерный щиток с надписью: «Токарь-скоростник Иван Палачев выполняет две нормы в смену». Палачев — ученик Чикирева. Генрих Клемперт долго трясет его руку и, смеясь, говорит, что он тоже ученик Чикирева и Быкова и что ему очень хотелось бы показать свою работу именно на станке Палачева.

— Не много ли для первого раза?— говорит Чикирев Клемперту.

Клемперт устанавливает подачу 0,3 и количество оборотов — 1 200.

ВИЗИТ

Карл Апель пользуется каждой минутой, чтобы задать интересующий его вопрос (справа — Иван Палачев).

— Не много ли для первого раза? — предостерегает сопровождающий гостей Чикирев.— Диаметр детали — 250 миллиметров.

— Ничего. Ведь у вас получается... — отвечает Клемперт. Он сосредоточен, глаза, за минуту до этого веселые, становятся строгими.

Включается станок. Быстро вращается деталь. Клемперт подводит резец — стоп... Заело. Видимо, сказывается волнение токаря, не привыкшего к новому станку.

— Ничего,— шепчет Клемперт.— Еще раз.

Снова с бешеной скоростью вертится деталь. Мягко входит в нее резец, но... опять стоп! Клемперт упрямо счищает стружку и снова включает станок. На этот раз все идет хорошо. Металлический серпантин летит куда-то вбок, за резцом быстро растет гладко обточенная поверхность.

Клемперт старается сохранить невозмутимый вид, но не выдерживает и широко улыбается. Тут же кто-то высчитывает скорость резания: почти километр в минуту. «Экзамен» выдержан. Чикирев крепко пожимает руку своего немецкого друга.

Следующую деталь хочет обточить Карл Апель. Это небольшого роста, очень живой человек. Он пользуется каждой минутой, чтобы задать какой-нибудь вопрос, и возмещает незнание русского языка энергичной жестикуляцией. Однако это не мешает ему работать.

Тут же, около станков, завязывается беседа германских и советских рабочих. Старший мастер 2-го цеха Петр Иванович Фукин разговаривает с Брандом Хорстом.

— Как же у вас будет с объединением Германии? — спрашивает Петр Иванович.

— Это во многом зависит от инициативы и сплоченности рабочего класса, — отвечает Хорст.

...Гости ходят по цехам завода, любуются работой токарей, строгальщиков, фрезеровщиков, подолгу стоят у могучих станков, изготовленных на советских машиностроительных заводах. Остановившись около громадного, 69-тонного расточного станка, один из делегатов говорит громко: «Прима!» — и добавляет: «Раньше немец считал, что его машина лучше всех. Теперь мы не можем сказать так».

Гости интересуются буквально всем: и как затачивается резец из твердого сплава и сколько времени внедряется в производство рационализаторское предложение.

Курт Штурм расспрашивает комплектовщицу Евдокию Иванову о том, как работает на заводе конфликтная комиссия. Работница обстоятельно и подробно отвечает. Штурм прикалывает к ее халату значок Демократического союза женщин Германии. Евдокия Емельяновна улыбается: «Что же это вы в полном мужском составе приехали? Ни одной женщины. Не слабо ли женские кадры выдвигаете?»

До вечера пробыли гости на заводе.

Делегатам не терпится поскорее попасть в цехи.

— Мне очень грустно уезжать,— говорил, прощаясь, Генрих Клемперт.— Так и хочется всех вас привезти в Германию, чтобы каждый немецкий рабочий мог постоянно учиться у вас. Но это, к сожалению, невозможно. И ваш трудовой опыт тоже не захватишь просто так, с собой в портфеле. Но наши друзья в Германии потребуют от нас самого подробного рассказа о методах труда советских рабочих. Они просили передать вам, что с нетерпением ждут у себя новые делегации из СССР. Это еще больше укрепит дружбу советского и немецкого народов. Ведь от нее во многом зависит решение важнейшего вопроса на земле — вопроса о мире!

— Что же вы в полном мужском составе приехали? — улыбается Евдокия Иванова.

РИЖСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

А. ТИХОМИРОВ

На одном из нарядных, обсаженных липами бульваров красавицы Риги высится здание художественного музея. Сейчас он носит название Государственного музея латышского и русского искусства — название, говорящее о творческом братстве художников Латвии с прогрессивным русским искусством. Эта связь, живая и благотворная, не только не подавляла своеобразия латышского искусства, а, наоборот, всемерно содействуя укреплению в нем народных начал, поддерживала стремление к правдивому, реалистическому отражению жизни, труда и быта латышского народа, родной природы.

Сокровища латвийского искусства, собранные в Рижском музее, показывают, как, опираясь на поддержку русской прогрессивной художественной среды, росло и крепло национальное изобразительное искусство. Уже первые завоевавшие себе известность латышские художники, Бертинс (1818—1885) и Розе (1823—1897), были учениками Петербургской академии. Тесно был связан с русским искусством и Карл Гун, ставший профессором Петербургской академии художеств, и Юлий Феддерс, один из выдающихся пейзажистов.

Карл Гун (1830—1877), активный член Товарищества передвижных выставок, прославился главным образом своими историческими картинами. Несколько его композиций посвящены одной из мрачных страниц французской истории, так называемой Варфоломеевской ночи.

Юлия Феддерса (1838—1909) можно по праву признать основоположником латышского реалистического пейзажа. Выйдя из бедной крестьянской среды, Феддерс в 1857 году, преодолев большие трудности, поступает в Академию художеств. Здесь он знакомится с русскими передовыми художниками, в частности сближается с И. И. Шишкиным. Вернувшись на родину, Феддерс с увлечением пишет картины на родные мотивы: кладбище на зеленом пригорке, известковую каменоломню, деревья, поломанные буреломом, остатки старой мельницы, холмы и долины Сигулды. Живопись Феддерса превосходно передает изломы камня, плотность твердой почвы, округлую форму холмов. Любовно выписывает он детали неповторимо своеобразных пейзажей своей родины. В 1880 году Феддерс был избран, как и Гун, академиком.

Со второй половины 1880-х годов многие из лучших молодых латвийских художников учатся у русских передвижников. В начале 90-х годов в мастерской В. Е. Маковского появляется Ян Розенталь (1866—1916), у А. И. Куинджи — В. Пурвит (1872—1945).

Ян Розенталь — замечательный жанрист, изобразитель быта трудового народа Латвии, из среды которого вышел сам (отец его был деревенским кузнецом). Розенталь не приукрашивает действительности, а изображает ее такою, какой видит. В картинах «В корчме», «После обедни» и других он показывает хищника-кулака («серого барона», как называли кулаков латышские крестьяне), развязного и надменного. Свои наблюдения быта простых людей Латвии и ее природы Розенталь запечатлел во множестве полотен.

Воспроизводимая на вкладке этого номера журнала картина Я. Розенталя «С работы» тепло и живо передает душевное состояние идущих с сенокоса молодых крестьянина и крестьянки.

Другой выдающийся латвийский художник, Вильгельм Пурвит, также учившийся в Петербургской академии художеств, с почти фанатическим увлечением отдается изучению природы, пишет сотни этюдов, стараясь уловить меняющийся облик природы в различные времена года. Особенно любовно художник изображал раннюю весну, талый, оседающий снег, уже потемневший под лучами весеннего солнца, зеленовато-золотистые стволы еще оголенных деревьев. Темам ранней весны посвящены картины «Последний снег» (1898), «При последних лучах» (1897), «Начало весны» (1900), «Оттепель» и другие.

Позднее Пурвит много писал и осень и особенно любовно — рощи белоствольных березок. Он так же, как и другие латвийские художники, не раз в своих работах воспевал красивую долину реки Гауя в Сигулде.

С 1913 года Пурвит — действительный член Петербургской академии художеств. Много сил отдавал Пурвит педагогической работе, передавая своим ученикам любовь к природе, навыки упорного труда.

На реалистических позициях всегда стоял выдающийся латвийский мастер-рисовальщик и портретист Я. Тильберг, искусство которого сформировалось во многом под воздействием творчества Д. Кардовского. Воспроизводимый на вкладке портрет Я. Райниса работы Тильберга дает одухотворенный образ революционера-поэта, выразившего в своих стихах чаяния трудовых масс Латвии. Широко известны иллюстрации Тильберга к произведениям Упита и его ранние талантливые сатирические рисунки. Сейчас профессор Тильберг — один из ведущих педагогов Латвийской академии художеств.

В годы буржуазного господства художникам Латвии пришлось пережить период упадка в их творчестве. Многое из того, что старшее поколение завоевывало десятками лет упорного труда, было утеряно под влиянием формализма, пришедшего с Запада.

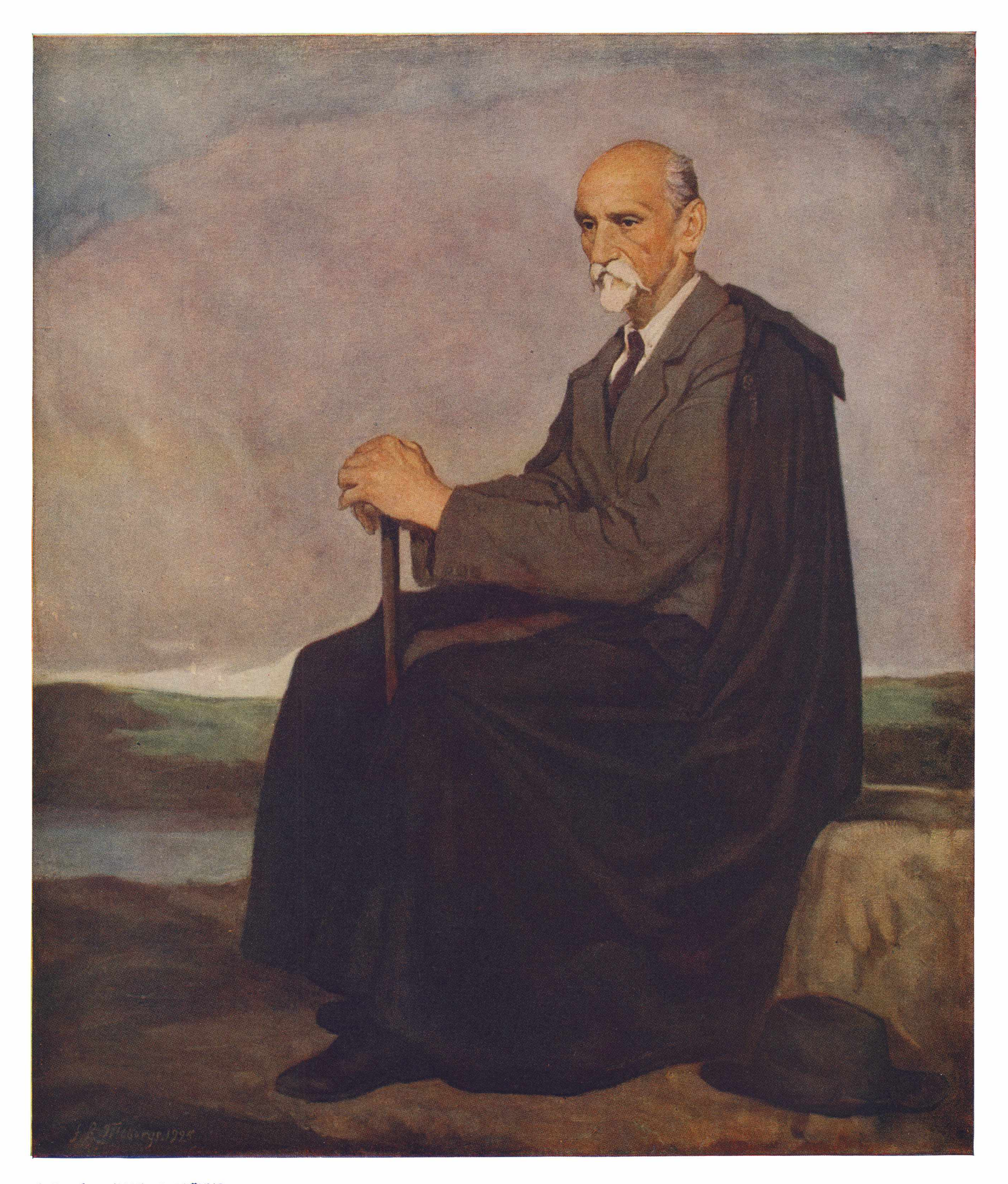
В Советской Латвии искусство решительно повернулось к народу, к жизни. Сейчас уже можно назвать десятки даровитых художников, которые твердо стали на путь реализма, увлеченно работают над темами новой, социалистической жизни. Единым фронтом выступают сейчас и художники старшего поколения, такие, как Отто Скулме, Т. Залькалнс, и более молодые — Я. Осис, А. Бриедис и Э. Калниньш. Среди картин, экспонированных в Рижском музее, назовем «Новые паруса» Э. Калниньша — загорелые, мужественные рыбаки в своем баркасе готовят новые паруса, собираясь уйти в море, — и «Латышские рыбаки» — романтическую картину Я. Осиса.

Из года в год ряды латвийских художников пополняются новыми именами молодых воспитанников художественных учебных заведений. Большую положительную роль в творческом росте молодежи играет опыт старшего поколения прогрессивных латышских художников, драгоценный опыт русского и советского реалистического искусства.

В Рижском музее имеются большой отдел советского искусства и исключительное собрание произведений мастеров русского искусства XIX века. Рядом с этюдами А. Иванова, пейзажами С. Щедрина, портретами Брюллова и Крамского здесь представлены: «Раздел наследства» Н. Неврева, «Любители соловьев» В. Маковского, этюды Репина к «Крестному ходу», малоизвестный чудесный пейзаж Левитана «Шестичасовой» и многое другое. Это богатое собрание Рижского музея глубоко связано с историческими путями развития латышского и русского искусства. Оно говорит о плодотворном творческом содружестве латышского и русского народов.

Я. Осис. ЛАТЫШСКИЕ РЫБАКИ.

Я. Тильберг (1880). Я. РАЙНИС.

Государственный музей латышского и русского искусства. Рига.

«Огонёк». 1953.

Ян Розенталь (1866—1916). С РАБОТЫ. **Государственный музей латышского и русского искусства,**

В. Пурвит (1872—1945). ЗИМА.

Государственный музей латышского и русского искусства.

В. Пурвит. ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Государственный музей латышского и русского искусства.

БРАТСКАЯ ВСТРЕЧА

Земли трех братских республик — Российской Федерации, Украины и Белоруссии — сходятся здесь, между Гомелем и Черниговом. Дружат и помогают друг другу колхозники Чуровичского района Брянской области, Городнянского района Черниговской области, и Тереховского Гомельской области. Недавно труженики трех соседних районов собрались на большой вечер в Городне.

Первыми приехали русские гости. Их встретили на украинской земле с хлебом-солью. Принимая традиционный дар радушия, престарелый хлебороб Феоктист Михайлович Бабушкин сказал ответное слово:

— Благодарим от всей души. Братский привет вам! Да будет крепнуть и здравствовать наша дружба!

Обменявшись приветствиями, гости и хозяева уселись в автомобили, и вереница разукрашенных машин направилась к Городне. На полпути они встретили белорусских друзей — хлеборобов Тереховского района.

К вечеру просторная площадь перед Городнянским районным Домом культуры имени Александра Матросова была заставлена автомобилями. А в переполненном зрительном зале шел тот деловой разговор, ради которого и съехались колхозники.

Густо переплелись нити хозяйственных и культурных связей между артелями трех районов. В белорусском колхозе имени Ворошилова, например, высокие урожаи дала озимая пшеница «московская». Это заинтересовало брянских хлеборобов. Получив от ворошиловцев семена и изучив их опыт, колхозники «Светлого пути» стали собирать стопудовые урожаи. Теперь пшеница «московская» широко распространена во всем Чуровичском районе. Русский колхоз, со своей стороны, обеспечил ворошиловцев ракоустойчивым сортом картофеля.

Такая взаимная выручка — обычное явление. Русские, украинские и белорусские колхозники помогают друг другу преодолевать трудности, повышать культуру земледелия, внедрять новинки в производство.

И вот теперь, когда подводятся итоги сельскохозяйственного года и намечаются планы на будущее, решено сообща обсудить достижения, наметить пути дальнейшего роста и процветания. На встрече выступили мастера высоких урожаев, председатели колхозов, механизаторы. Здесь же было принято единодушное решение: заключить договор на социалистическое соревнование между хлеборобами Чуровичского, Городнянского и Тереховского районов.

В заключение состоялся большой концерт, в котором приняли участие коллективы сельской художественной самодеятельности трех районов.

Этот интересный вечер прошел в атмосфере теплой, сердечной дружбы. Встреча еще более сблизила русских, украинских и белорусских колхозников, живущих на стыке границ трех братских республик.

В. ПОНОМАРЕВ

Фото И. Тункеля.

В президиуме собрания. У микрофона — звеньевая колхоза имени Петровского, Городнянского района, Прасковья Ковальчук.

Украинская колхозница Анастасия Кузьминична Швец преподносит хлеб-соль хлеборобу Феоктисту Михайловичу Бабушкину.

Молодежь Чуровичского района едет на встречу.

Французы говорят: НЕТ!

80 000 парижан собрались у Порт-де-Версаль, чтобы сказать «Нет!» боннскому и парижскому договорам.

Пьер ДЮРАН,
заместитель главного редактора «Юманите»

Фото газеты «Юманите».

Недавно была у меня беседа с одним крестьянином из Лимузина.

— Я такой же француз, как все другие,— сказал он.— Отец мой был смертельно ранен на Марне летом 1914-го. Когда мне минуло шесть лет и я научился читать, мать показала почтовую открытку с несколькими словами, нацарапанными рукой отца в госпитале перед смертью: «Я надеюсь, что по крайней мере малышу не придется переживать все это». Но через двадцать лет я сам уже сидел с винтовкой в руках в лесу возле нашей деревни. Деревня была занята гитлеровскими войсками. Дома они сожгли, скотину прирезали... Что нам оставалось делать, как не пробовать самим гнать врага со своей земли?

Крестьянин помолчал немного и продолжал:

— Это было нелегко, вы знаете сами. Слишком много было наверху предателей. Но наконец русские разгромили гитлеровцев, и захватчикам пришлось убраться с нашей земли... И вот теперь, извольте-ка: я узнаю, что, может быть, скоро мы снова увидим гитлеровского фельдфебеля у себя — во всей форме, в сапогах и каске! Нет, на это мы не согласны, довольно!

Он задумчиво поглядел на меня и закончил так:

— Впрочем, и немцы, кажется, стали многое понимать. Вот я и думаю: можно, значит, жить нам с ними в мире по обе стороны Рейна. А вместо этого нам предлагают темное дело: пусть-де опять за Рейном будет немецкая армия со старыми генералами, которые жгли и убивали нас на нашей земле. Нет, нет, мы не согласны!

Он сообщил мне, что в воскресенье поедет по соседним фермам: надо ко дню ярмарки собрать делегацию из крестьян. Она пойдет к депутату, к генеральному советнику и скажет: мы, крестьяне, не согласны!..

Это, конечно, не единичный пример. Весь французский народ понимает, какая угроза нависает над ним. Агрессивные силы Америки и Англии торопят правительство Ланьеля с ратификацией — за спиной французов — боннского и парижского военных соглашений. Лагерю «холодной войны» не терпится. Возрождение реваншистской армии в государстве Аденауэра эти господа поскорее хотят прикрыть фиговым листком фальсифицированного «согласия» Франции.

Но может ли французский народ забыть о двух миллионах своих сыновей, убитых на протяжении каких-нибудь трех десятилетий, — об этой зияющей ране в теле сорокамиллионного народа?! Могут ли забыть французы о полях севера и востока своей страны, перепаханных бомбами и снарядами, о десятках городов, лежащих в развалинах, о пепле Орадура и крови Веркора? Разве можно все это изгнать из памяти, вытравить из французского сердца?!

Вот почему французский народ следует призыву своей коммунистической партии, выраженному в словах Мориса Тореза: «Нет ничего более важного, нет ничего более неотложного, как объединение всех подлинных французов для того, чтобы сорвать боннский и парижский договоры».

Около месяца тому назад, 25 октября, большие массы людей собрались в Париже и других крупных городах. Французы собрались, чтобы потребовать от депутатов парламента решительного отказа от навязываемых Франции договоров, несущих в себе семена новой агрессивной войны.

В «Парк выставок», как сказал депутат парламента Жорж Коньо, пришел в этот день Париж заводов и учреждений, Париж рабочих «Рено» и студентов Сорбонны. Люди самых разных социальных положений и политических взглядов единодушно выступали на этом народном собрании. Такие политические деятели, как один из руководителей партии радикалов, Даладье, председатель Национального собрания Эррио, как правый депутат Луи Марэн, член партии МРП сенатор Амон и другие, письменно заявили о своем присоединении к протесту французского народа против боннского и парижского договоров.

Но, разумеется, решающее слово принадлежит народным массам. В 28 департаментах идут собрания крестьян — за мир, против договоров, питающих войну и агрессию. 8 ноября происходила Национальная конференция всех французов, готовых бороться против возрождения германского милитаризма. Рабочие, крестьяне, интеллигенция Франции с уверенностью смотрят на исход борьбы за мир, за национальные интересы и безопасность своей родины. Они знают, что их победа в этой борьбе принесет новые силы и новую надежду народам.

Париж. Ноябрь.

В Париже, по Улице мучеников, демонстрируют бывшие узники нацистских концлагерей. Идущие под плакатом демонстранты одеты в полосатую одежду заключенных.

←
Строители Монтрейля сошли с лесов, чтобы присоединить свой голос в защиту независимости Франции.

ПОДРУГИ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунок О. Верейского.

Молодой врач Зинаида Михайловна Мазурова, подъезжая в кабине попутного грузовика к деревне Старожилово, невольно задумалась: много ли осталось там сейчас людей, которые еще помнят звеньевую Зину Мазурову, ушедшую в 1942 году на курсы медсестер, а потом на фронт?

Машина, равномерно жужжа мотором, бежала по дороге, расплескивая сверкающие на солнце лужи. Неподвижное, хмурое лицо девушки, сидевшей за рулем рядом с Зиной, вдруг разом оживилось. Машина сбавила ход и резко затормозила в ту самую минуту, как рядом с ней остановился встречный грузовик «зис». Оба водителя одновременно распахнули дверцы, и девушка, нетерпеливо высунувшись, крикнула:

— Ну, что?

В кабине «зиса» сидел худой, жилистый парень в майке, с длинным, обиженным лицом.

— Ничего, Саня, не получается, — уныло проговорил парень, исподлобья глядя на девушку. — В октябре, говорит, месяце. Иначе никак.

— У, ч-черт!.. — с досадой пробормотала Саня сквозь зубы, и Зина заметила, что у нее выступили красные пятна на щеках. — Разве от него другого дождешься? — Она махнула рукой парню, давая знак, что разговор окончен, и с силой захлопнула дверцу.

С минуту они ехали, не разговаривая, потом Саня, презрительно вздернув пухлую верхнюю губу, пояснила попутчице:

— Характер свой выдерживает. Уперся — на тракторе не стащишь... В октябре! Это что такое? У меня с этого воскресенья пойдет отпуск, а ему, — она ткнула пальцем через плечо вслед уехавшему «зису», — в октябре предлагают.

— Жених, что ли?

Саня усмехнулась:

— Жених... Три года замужем! — и снова вспыхнула. — В октябре, а? Вот честное слово, если бы не за баранкой, так и заревела бы сейчас, как корова, от злости. Что за радость людям ехать порознь? — И вдруг покосилась на пассажирку, твердо сжимая губы, чтобы не улыбнуться. — Да он меня и пускать-то еще не хочет. Боится. — И не в силах удержаться, все-таки улыбнулась. — Говорит: «Там молодых людей полно. Еще увлечешься каким-нибудь... физкультурником».

Тут Саня совсем развеселилась и засмеялась, сощурив и без того узенькие веселые глазки.

— Нужны мне физкультурники очень! — Она покачала головой и вдруг, разом оборвав смех, вздохнула, возвращаясь к прежнему дурному настроению, и деловито добавила: — Да и ему нечего одному разъезжать по курортам. Парень все-таки молодой. Мало ли что. Не пущу! Право, не пущу, лучше пускай путевка пропадает! — И, решительно сжав губы, упрямо уставилась на дорогу.

— Еще все уладится! — с оптимизмом человека, не слишком заинтересованного в исходе дела, воскликнула Зина. — Надо вам пойти объяснить, попросить.

— Вот он сегодня и ходил к Матвееву и просил. Слыхали, какая получилась резолюция? — Саня раздраженно подернула плечом.

— К Дмитрию Афанасьевичу? — спросила Зина, и когда Саня кивнула в ответ, она подумала о том, как это странно. Из писем сестер она знала, что Митя Матвеев, вернувшийся несколько лет назад из армии в родные места, «очень пошел в гору», третий год уже работает директором Старожиловской МТС и «завоевал себе хороший авторитет» в районе.

Машина уже въезжала в деревню, и Зина показала дом, у которого нужно остановиться.

— К Мазуровым, значит? Ладно, — сказала Саня, сворачивая на обочину.

— Вы разве Мазуровых знаете?

— Знаю. Сашу знаю... Михайлу Михайловича...

— А Зину?

— Кого?.. — удивилась Саня, припоминая. — Нет, про Зину не слыхала.

Зина усмехнулась и, поблагодарив Саню, подняла вынутый из кузова чемодан. Едва она толкнула калитку и вошла в маленький палисадник, как почувствовала знакомый праздничный запах горячих пирогов, увидела стремглав сбегающих с крыльца сестер и мать, которая с испуганным, счастливым лицом, тяжело ступая на одну ногу, спускалась по ступенькам к ней навстречу...

Не прошло и часа, как, к огорчению матери, не успевшей вдоволь нарадоваться тому, что ее младшая дочь приехала в отпуск таким солидным, сложившимся человеком, с подарками, в габардиновом пальто и шляпке, Зина разулась, переоделась в ситцевый сарафан и, подхватив забежавшую за ней прежнюю подружку Лизавету, побежала с ней вместе на обрыв, к реке.

Лизавета была когда-то лучшей подругой Зины, и хотя не виделись они много лет и Лизавета успела за это время выйти замуж за того самого Митю Матвеева, которого ругала Саня, все это как-то позабылось и стало для них неважным в те минуты, когда они с мокрыми волосами, босиком, держась за руки, взбирались на обрыв после купанья. Они снова почувствовали себя подругами, почувствовали, что им все нужно и интересно знать друг про друга, и тут же, расставаясь у огородного плетня, сговорились, что Зина попозже вечером придет к Лизавете, и они сядут, как в былые времена, вдвоем, и все расскажут друг другу, и наговорятся всласть, даже если для этого придется не ложиться спать всю ночь до утра.

Вечером, когда Зина пришла к Матвеевым, Лиза вышла навстречу и с каким-то, как будто смущенным видом попросила несколько минут подождать и выпить чаю без нее, пока она занята с мужем деловым разговором.

Зина, которую уже совсем обкормили дома пирогами и запоили чаем, отставила от себя налитую чашку и села на скамейку, облокотясь на стол, который был накрыт к ужину на широком крыльце, заменявшем в доме веранду.

Уже смеркалось, и после дневной жары на крыльце приятно поддувал ветерок, приподнимая и снова роняя угол скатерти и шевеля серые пушинки самоварного пепла на медном подносе.

Вышла Анна Ивановна, мать Матвеева, поцеловала Зину и сейчас же заговорила торопливым шепотом:

— Ты уж не обижайся. Митя-то сегодня у нас расстроенный домой явился. Еле покушал и в постель. Ей теперь обязательно перед сном посидеть около него надо. Пока у него от сердца отойдет.

Зина вспомнила того прежнего Митю, какого она знала: порывистого паренька с необузданным характером, то до слабости податливого на чужое влияние, то доходившего в своем упорстве до самозабвения и жестокости. Представила себе, как Лиза высиживает сейчас у постели, «пока у него не отойдет», и ей стало неприятно и неловко за подругу.

Анна Ивановна, убрав со стола, ушла мыть посуду, и Зина осталась одна. Она села на низкие перильца, прислонившись плечом к столбу. Вокруг стало светло от лунного света, точно синей водой затопившего поля. Из дому доносились энергичное щелканье маятника ходиков и глухие звуки двух неясных голосов: Лизы и ее мужа, разговаривавших потихоньку за закрытой дверью.

Зине стало нехорошо и грустно. Она вспомнила, как они с Лизой жадно учились по одному учебнику, готовясь вместе поступить на курсы медсестер, мечтали поскорей попасть на фронт. Вспомнила день своего отъезда на курсы, вспомнила, как горевала Лиза, которую не отпустили тогда из колхоза как отличную работницу, так как некем было ее заменить в то тяжелое время. Потом Лизу уже согласны были отпустить, но она написала подруге, что решила почему-то не ехать...

Постепенно голоса стали затихать, и наконец Зина услышала мягкие шаги. Лиза молча подошла и положила руку ей на плечо.

— Ты не сердись. Дело было. Обязательно надо было сегодня. А то Митя в пять утра уедет, тогда уж поздно разговаривать.

— Прохладно становится, — сказала Зина. — У тебя кофточки какой-нибудь нет накинуть?

Лиза ушла в дом и вернулась с мужским пальто.

Они накинули его на себя и, придерживая каждая со своей стороны за полу, сели на ступеньку крыльца.

Анна Ивановна, услышав, что Лиза вышла от мужа, снова выглянула из двери и шепотом спросила:

— Обуздала?.. Ох ты, глазом-то на меня метнула! Чисто коршун! — Старуха, очень довольная чем-то, тихонько рассмеялась и пояснила Зине: — Горой за Митю стоит. Ну, посоветовались вы с ним?

— Да ну, мама, — недовольно сказала Лиза, — такое вы говорите — слушать неприятно: «посоветовались». Посоветоваться легко. А ему теперь в пять вставать, в город ехать, хлопотать, да еще выйдет ли все так просто!.. Да будет уже об этом, мы с Зиной поговорить хотим, и так я ее, бедную, ждать заставила...

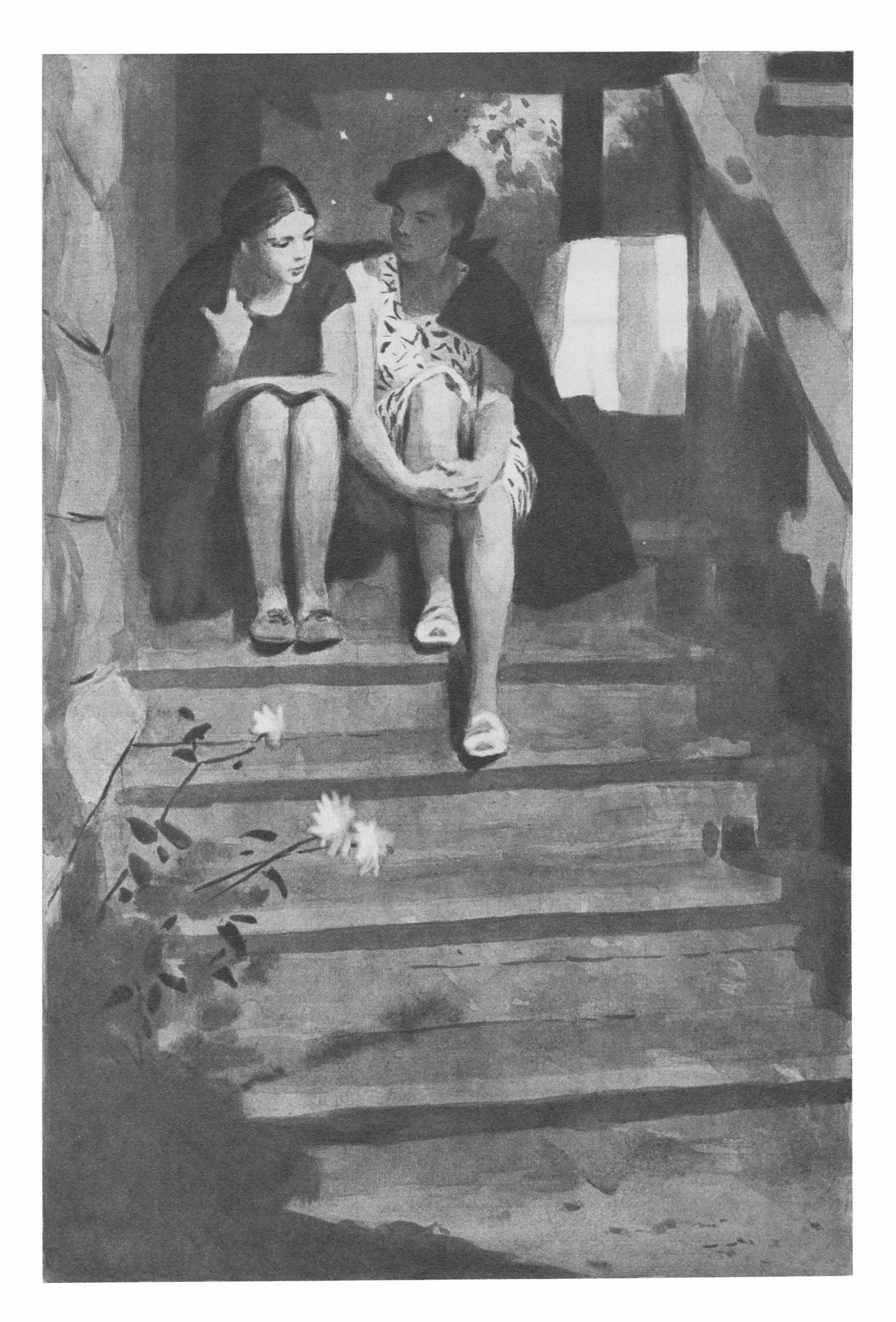
— Говорите, пока я вас по постелям не разгоню.

— Тебе первой рассказывать, — сказала Зина, когда старуха ушла. — По письмам что разберешь? Митя уехал на фронт, Митя пропал без вести, Митя вернулся. На Лизе женился. Все гладко и неинтересно, как в анкете все равно. А я, как уехала, с тех пор толком ничего не знаю. Любовь-то у вас с Митей началась еще при мне, да ведь я была уверена, что у вас с ним вовсе врозь все пошло.

— Да, — сказала Лиза, зябко потягивая на плечо свой край, — у нас все врозь пошло тогда. Из-за чего? Больше всего из-за доверия. Я так считала и считаю, что если у тебя есть друг, ты ему и верить должен, да не так, как другие люди ему верят. Вот спросишь ты меня: «Откуда идешь?», — а я отвечу: «На речку ходила». А ты посмотришь, увидишь, что и вправду я ведра с водой несу, тогда и поверишь... — Лиза презрительно усмехнулась. — Нет, это я за веру не считаю... Еще бы пойти людей расспросить. И коли человек десять подтвердят, тогда уж и поверить. Нет, по-моему, если ты в друга веришь, так пусть десять человек тебе скажут одно, а ты всем десяти не поверь, а ему поверь. На мой характер, если мне верят, я лучше удавлюсь, чем обману... А у нас с Митей когда началась любовь, разговоры пошли такие: "Где была?" «Там-то». «А ребята говорят, что тебя там не видели...» Меня, точно кнутом, ожгет от таких слов. «Ладно, — крикну ему, — ты с ребятами этими и водись, а у меня под окошком одуванчиков не вытаптывай, все равно не выйду больше!..»

— Да, да, — начиная волноваться, прошептала Зина, — все помню. Я так это все тогда и понимала. Ну, ну?..

— Ну и тянется, бывало, у нас так месяц, а то два. Потом он придет и клянется, что больше такого не будет. И старается, крепится, а

сам даже почернеет весь, если ему покажется, что не там была, не с тем поговорила, не тогда пришла. Не мог себя переломить. А мне и ломать себя нечего было, я ему ни разу не солгала. Может быть, и вправду любовь у него такая особенная была. Только я под такую его любовь, как под ярмо, идти была не согласна. И вот задолго еще до того, как ему на фронт уйти, месяца за два, произошло у нас такое «объяснение в нелюбви», и все у нас было решено и покончено. Помнишь, верно?

— Еще бы... Что реву было...

— Подали мы друг другу руки, признались, что не подошли, и попрощались... А что я после того его на платформе вместе со всеми провожала, так что ж? Мы ведь всех отъезжающих фронтовиков провожали. И плакали все. Потому что свои ребята, сочувствуешь им...

— Люди говорили после, что у тебя даже человек какой-то появился... Петровский, что ли, его звали?

Лиза холодно и спокойно усмехнулась:

— Петровских — фамилия. Был такой. А что было? У меня тоска. Никого близкого нет. И ждать некого. А тот очень старался мне понравиться. Думаю: пускай старается. Он мне больше про свою жизнь рассказывал. А жизнь его очень тяжелая была. Он говорит, а я прислушиваюсь, стараюсь понять: что у него за словами спрятано? Что он за человек? И выходит, он человек как будто хороший... Нет, что говорить, хороший человек, он воевал тоже, медали заслужил, получил тяжелые ранения, и его из армии демобилизовали. А я чем-то уж очень ему пришлась по душе.

Дальше... Тебя уж не было в то время: ты уехала на курсы. Вот шли мы с ним раз, гуляли и вели наши интересные разговоры. А была осень, на дороге грязно. Вот мы не заметили, как пришли на станцию; там почище. И стали по платформе туда-назад ходить, разговаривать. И он тут в первый раз меня под ручку взял, я и не заметила даже сперва...

Пришел пассажирский поезд, мы постояли, поглядели в окна, что там за пассажиры едут. Ушел поезд. Мы опять ходим, и начало смеркаться. Подошел еще поезд и стал. Видим: теплушки. Лошадки мохнатенькие головами мотают в вагонах, гармошка играет. Пушки в чехлах видны на платформах. Какие солдаты за кипятком бегут, какие в вагонах у дверей столпились и на нас смотрят. Потом сыграла труба военная, все вскочили обратно в вагоны, эшелон двинулся, и весь, сколько его было на платформе, народ замахал на прощание. Кто машет, кто улыбается, а старушка стоит в сторонке и всхлипывает и шепчет. Имена, кажется, чьи-то, я и не разобрала. И я помахала рукой им вслед. Вот и все. Поезд ушел, а я стою на платформе, и такая меня тоска схватила, что хоть руки кусай...

Этот... кавалер мой хотел было меня опять под руку взять, так я ведь, дура такая, чуть его на рельсы не столкнула, честное слово. Глядеть на него не могу. Полдороги он за мной на три шага позади бежал, все уговаривал, а я шла, не оборачиваясь. Потом остановилась, сжала кулаки и говорю: «Не ходи ты за мной, бога ради, не нужен ты мне ни сейчас, ни после, ни во веки веков!» Так и прогнала.

А потом, в сорок третьем году, когда у Матвеевых погиб старший, Василий, а после того пришло извещение, что и Дмитрий пропал без вести, и Анна Ивановна осталась в доме одна с тремя васиными малолетками, я пришла к ней и говорю: «Мама»,— и чуднó мне было тогда ее мамой называть, чужую женщину... Говорю: «Мама, знаете, я к вам жить перехожу. Вам известно, что мы с Митей друг другу обещались. А теперь остались вы одинокая и пожилая с васиными ребятами. Будем жить вместе, как будто мы с Митей пожениться успели. Время такое тяжелое. И вам будет легче, и мне веселей. Проживем как-нибудь: я на работу ведь считаюсь довольно трудоспособная...»

— Все, все... Теперь поняла... Все мне стало понятно!..— тихонько и быстро заговорила Зина. В голосе у нее послышались нежность, и удивление, и непонятное Лизе раскаяние.

— И ничего, ничегошеньки-то ты не поняла,— сказала Лиза.— Ты, наверное, воображаешь, что это я решила такую жертву принести, что ли, когда к ним в семью пошла? А на самом деле для меня в ту пору это одно спасение только и было. Ведь ему-то я тогда не могла ничего сделать доброго: ни простить, ни прощения попросить, ни голодного покормить, ни озябшего укрыть, ничего... И с семьей я свыклась быстро. Ребятишки ко мне привязались...

На крыльце кто-то всплеснул руками. Анна Ивановна стояла, уперев руки в бока, и с возмущением смотрела на подруг:

— Совесть у вас есть, девчонки вы безобразницы? До каких пор тут бормотать впотьмах будете?

— Мы о жизни рассуждаем, мама, — Лиза

подвинулась на ступеньке. — Садись к нам, вместе поговорим.

— Еще чего придумаешь, — сказала Анна Ивановна, присаживаясь на ступеньку. — Ты лучше расскажи, как ты, красавица, у нас из дому чуть было не сбежала! Не говорила? Расскажи, расскажи Зинаиде. А то я скажу. Ты не гляди, Зинаида, что она тихая, а тоже на нее находит. Митя-то ведь у нас в погибших считался. Мы с Лизанькой его и оплакали несчетное число раз и уж смирились, что будем доживать вдвоем век: васиных ребятишек растить. И вдруг стук! И Митя в калитку входит и вон по той дорожке прямо к крыльцу. Мы все к нему да на нем так и повисли, замерли, как разума лишились. А эта безумная, что ты думаешь? Она бегом кинулась на чердак и там забилась, не найти было. Я кричу: «Лиза, Лиза, Митенька воротился!» А Митя весь даже белеет, спрашивает: «Какая Лиза?» Ведь он и не знал ничего, что она в семье с нами вместе живет. После я ее чуть не под руки стащила вниз с чердака-то; они друг на друга смотрят, еле слово выговорить могут, а к вечеру, гляжу, она в уголке что-то копается, свои пожитки в мешок связывает, и руки у самой трясутся: из дому уходить собирается. Это подумать — уходить! А?.. Она уходить, а ребята как взвоют, в нее как вцепятся, давай не пускать, назад тянуть, а я, не хуже других, в голос кричу: «Не пущу! Ты безумная! Тебя связать надо!..» Так я кричала?..

Ну так вот, мало нам того, что Лиза обезумела, Дмитрий-то мой глядел, глядел, что у нас происходит, да, видно, и сам немножко... того. «Стойте, — говорит, — тихо, молчите, я все понимаю, и Лиза в полном праве по-своему поступать, и все должно быть так, как ей лучше. Она не хочет со мной в одном доме находиться. И это — ее полное право, я ее даже уговаривать не смею ни единым словом. И все уладится по-хорошему. Дают мне хорошую работу в городе, я туда и уеду и весь заработок буду присылать сюда, в семью...» И что ты думаешь? Ушел. Четыре месяца в районе работал и по воскресеньям на побывку приезжал. Приедет, привезет гостинца, чаю попьет, ребятишек васиных погладит, точно гость какой, и обратно в город. А между собой они только самые необходимые слова скажут и попрощаются. Уж после немножко стали разговаривать за столом, а потом из дому уходить в поле. И все говорят, говорят... Так до сих пор и не знаю, какие ангелы их подтолкнули друг к другу, что все так обошлось и они стали вместе. Одно скажу: Мите — счастье. Он мне сын и считается уважаемый человек, а я при ком хочешь могу сказать: без Лизы Мите цена вполовину была бы.

— Да ну, мама... — Лиза недовольно поморщилась.

— Вот тебе и мама! — отрезала Анна Ивановна. — Так точно и есть, как мама сказала.

Немного погодя Зина шла по пустынной, ярко освещенной луной деревенской улице рядом с провожавшей ее до дому Лизой.

— Ты завтра приходи обязательно. Митя очень обрадуется.

— Приду... Интересно поглядеть, какой он теперь стал, как он с людьми научился ладить?

— А почему ты это спрашиваешь? — насторожилась Лиза.

— Так. Помню его характер!

— Нет, ты не про то подумала.

— Ну да... Тут меня сегодня от станции подвозила девушка одна, водитель. Мы разговорились. Похоже, люди обижаются на него... Только ты ему не пересказывай.

— Ах, это Саня! — с облегчением определила Лиза. — Знаю. Она хорошая.

— Вот эта хорошая чуть не ревела из-за твоего Мити, когда меня везла.

— Обойдется у них, — спокойно сказала Лиза. — Нам с тобой, конечно, легко хорошим людям сочувствовать. А ему завтра вот в город ни свет, ни заря мчаться, все налаживать, чтоб эту славную парочку вместе в отпуск отправить. А ведь работы у него без того хватает.

— Лиза!.. — быстро спросила Зина. — Разговор ваш сегодня об этом самом деле был? Правда?

— Только ты молчи, Зинка. Чтоб никто не знал. Поссоримся на всю жизнь.

— Только через мой труп! — продекламировала Зина и радостно засмеялась.

ПРОФСОЮЗ ПАРИКМАХЕРОВ

Рассказ

Мулк Радж АНАНД

Рисунки В. Климашина.

Среди деятелей современной Индии Чанду, мальчик-парикмахер из нашей деревни, остается непонятым до тех пор, пока я не добьюсь признания его вклада в историю. Говоря по совести, его исключительные права на это признание основываются на подвиге, всего значения которого он сам не осознавал. В отличие от знаменитостей Индии наших дней он не был слишком высокого мнения о себе; однако он так же, как и они, обладал наивным самомнением, которое иногда было не к месту, а иногда очаровательно.

Я знал Чанду еще тогда, когда он ходил в лохмотьях, едва прикрывавших его вздувшийся от голода живот; тогда мы вместе барахтались в лужах деревенских проулков, играли в солдатиков, в торговцев, в клерков и в другие незатейливые игры, которые мы изобретали для собственного удовольствия, равно как и для удовольствия наших матерей — единственных взрослых, которые удостаивали нас вниманием.

Чанду был старше меня на шесть месяцев и всегда верховодил во всех наших делах. Но я охотно слушался его: он очень ловко ловил ос и выдавливал яд из их тельца, связывал их крохотные лапки и пускал летать. А меня всегда осы жалили в щеки, стоило мне только приблизиться к деревенскому колодцу, — там они роились.

Когда мы подросли, Чанду попрежнему оставался моим идеалом, потому что он умел мастерить бумажного змея очень сложной конструкции и такой устойчивости в воздухе, какую я никогда не мог придать моим змеям.

Конечно, он не решал так хорошо, как я, задачи в школе, вероятно, потому, что отец рано начал обучать его искусству парикмахера — традиционной профессии касты, к которой он принадлежал. Он посылал сына в деревню стричь людей, и у мальчика не оставалось времени готовить уроки. Но, во всяком случае, декламировал Чанду лучше меня и мог повторить напамять из учебника не только стихотворение, но и целые страницы прозы, звучавшие в его чтении совсем как стихи.

Моя мать негодовала.

— Не играй с ним, — твердила она, — ведь он сын парикмахера из низшей касты, а ты должен знаться только с мальчиками своего круга.

Но среди взглядов и чувств, унаследованных мною от предков, определенно не было чувства высокомерия.

В самом деле, я всегда немного стеснялся красного знака касты, который мать каждое утро рисовала мне на лбу, традиционно скроенного ачкина [1], плотных бумажных брюк, расшитых золотом туфель и серебристого тюрбана — непременных частей моего туалета. И мне всегда хотелось получить право носить все те эффектные вещи, которые я видел на Чанду: рубашки цвета хаки, полученные им от прежнего субедара [2], потертый черный бархатный жилет, украшенный черепаховыми пуговицами, круглую фетровую шляпу — она когда-то принадлежала нашему деревенскому стряпчему Лала Хукам Чанду.

Мулк Радж Ананд — видный индийский писатель, вице-председатель Всеиндийского Совета Мира, член Всемирного Совета Мира.

[1] Ачкин — род плаща или пыльника.
[2] Субедар — полицейский чиновник, унтер-офицер, соответствующий участковому.

Я завидовал свободе, которой пользовался Чанду после того, как отец его умер от чумы. С утра он ходил по домам нашего деревенского начальства, брил и стриг, потом умывался, переодевался и на запятках кареты Лала Хукам Чанда отправлялся в город, расположенный в шести милях от нас.

Чанду хорошо относился ко мне. Он знал, что меня редко брали в город и что мне приходилось шагать три утомительные мили в школу в деревне Джоадиала с чувством вечного страха перед немилостью учителя. Чанду же не угрожала опасность получить порку от злого учителя, так как он бросил школу сразу же после смерти отца. Он всегда приносил мне какой-нибудь подарок из города: кисточку для рисования, чернила золотистого цвета, кусочек мела или перочинный ножик — и занимал меня длинными веселыми рассказами о том, как разнообразна жизнь в городской сутолоке.

Чанду со всевозможными подробностями описывал мне удивительные английские костюмы, которые он видел на сахибах и стряпчих, посыльных и полицейских в районном суде, когда ожидал возможности вернуться домой на запятках экипажа Лала Хукам Чанда. Раз или два он сообщил мне по секрету о своем желании утащить немного денег из кувшина, в котором мать Чанду хранила его доходы, чтобы купить сыну такую же одежду, какую носил зубной врач Кала Кхан. Кала Кхан, по его словам, делал чудеса в городе: вставлял людям новые челюсти и даже новые глаза. Чанду описывал мне внешность Кала Кхана, молодого человека с пробором на боку, носившего накрахмаленную рубашку с воротничком цвета слоновой кости, галстук бантом, черный сюртук, полосатые брюки, удивительное прорезиненное пальто и легкие туфли. Особенно часто он рассказывал, как ловко зубной врач раскрывал свой английский кожаный ручной саквояж и работал блестящими стальными инструментами.

Потом Чанду начинал советоваться со мной, не будет ли он, парикмахер пятого, высшего класса, выглядеть солиднее, если наденет такой же костюм, как и доктор Кала, утверждая при этом, что хотя он и не высокообразованный доктор, однако хорошо знает от отца, как обращаться с прыщиками, нарывами и порезами на человеческом теле, а отец научился этому от деда.

Я одобрял его планы и поддерживал их с энтузиазмом, который возникал у меня в отношении всего, что думал или затевал мой герой.

Как-то раз я был изумлен, обнаружив Чанду утром около дверей моего дома. На нем был белый тюрбан, белое прорезиненное пальто (немного великоватое для него, но, тем не менее, великолепное) и легкие туфли, в которых я мог легко видеть свое отражение. В руках он держал кожаную сумку. Чанду отправлялся в свой ежедневный обход и пришел показать мне, как он выглядит в своем новом одеянии.

— Чудесно! — сказал я. — Чудесно!

Чанду заспешил к дому джагирдара [1], которого он брил каждое утро, и я в восхищении последовал за ним. На улице в это время почти не было людей, так что свидетелем славы Чанду был только я один, кроме, конечно, самого Чанду, который, повидимому, в известной мере сознавал свое величие, ибо шел по улице важно, тщательно избегая коровьих лепешек, которые деревенские женщины лепили на стены.

Едва вступив в дом джагирдара, мы наткнулись на маленького сынишку хозяина Дэви. Мальчик сложил свои ручки и закричал от восторга при появлении Чанду в великолепных одеждах, таких же точно, какие были у сахиба из миссионерской школы.

— Рам, рам! [2] — закричал Биджай Чанд, дородный джагирдар, касаясь священной нитки, которая была заправлена у него за ухо, так как он только что вышел из туалета. — Поросенок! Ты притащил в мой дом сумку из телячьей кожи, пальто, сделанное из кожи черт знает какого животного, и эти мерзкие черные английские туфли. Вон отсюда, дьяволенок! Ты оскверняешь мою религию. Ты, видимо, потерял всякий страх с тех пор, как умер твой отец.

— Но я оделся так же, как и доктор, джагирдар сахиб, — сказал Чанду.

— Прочь отсюда, свинья, прочь и оденься так, как положено одеваться тебе, низкому парикмахеру, и не смей показывать мне никаких своих выдумок, а то я поколочу тебя!

— Но, Рай Биджай Чанд сахиб... — начал Чанду.

— Вон отсюда, вон, никчемная тварь! — заорал джагирдар. — Не подходи ближе, а то нам придется очищать весь дом священным навозом коровы.

Чанду повернулся. Лицо его горело, он был ошеломлен. Он не смотрел на меня: ему было стыдно, его оскорбили в моем присутствии, а ведь он был моим героем и знал это.

Он направился быстрым шагом к Тхан Раму, деревенскому сахукару [3], у которого была бакалейная лавка на углу улицы. Мальчик джагирдара Дэви заплакал, услышав брань отца, и я остановился, чтобы его успокоить. А когда я дошел до конца улицы, то увидел, что сахукар держал в одной руке чашку от весов, на которых отвешивал зерно, и скверно бранился:

— Ты, маленький свиненок, вырядился, как клоун, вместо того, чтобы выполнять свои обязанности и заботиться о старой матери. Как ты посмел надеть нечистые одежды, которые носят в больницах! Иди прочь и возвращайся в своей собственной одежде. Только тогда я позволю тебе остричь меня, — сказал он и потрогал свои волосы на затылке, связанные ритуальным узелком.

Окончательно пришибленный и разозленный, Чанду пробежал мимо меня, как будто я был виноват во всех этих несчастьях. Я чуть не заплакал при мысли, что теперь он возненавидел меня, потому что я принадлежу к высшей касте.

— Иди к пандиту [4], — крикнул я ему вслед, — и скажи, что твоя одежда ничем не осквернена!

— О, так ты заодно с ним! — сказал пандит Парманананд, выходя из дома джагирдара, куда его, повидимому, вызвали, чтобы обсудить происшествие. — Вы, мальчики, испорчены школьным образованием. Ничего нет плохого в том, что ты наденешь этот костюм, потому что ты будешь образованным человеком; но какое право имеет этот низкий мальчишка так одеваться?! Он уже и так достаточно отмечен богом. Но он хочет еще больше осквернить себя. Ты мальчик из высшей касты, а он, дьяволенок, из низшей. Он жулик.

Чанду слышал все это. Он не оборачивался и быстро уходил, как будто спешил по какому-нибудь делу.

Меня позвала мать и сказала, что пора кушать и отправляться в школу, а то я могу опоздать. Она не удержалась от соблазна прочесть мне очередную нотацию по поводу моих отношений с Чанду. Весь день я очень беспокоился о его судьбе и на обратном пути из школы забежал в лачугу, где он жил с матерью.

Его мать считали старой брюзгой, потому что она, женщина из низшей касты, осмеливалась разговаривать с высшими так, как они сами никогда не говорили друг с другом. Она всегда была добра ко мне, хотя часто и ворчала на меня. К такому тону она привыкла за свою долгую жизнь, полную страданий и унижений.

Она повернулась ко мне и сказала:

— Ты пришел к своему другу, а если бы твоя мать знала об этом, она выцарапала бы мне глаза за то, что я осмеливаюсь смотреть своими нечестивыми глазами на твое нежное лицо. А ты-то сам такой же невинный, как твоя внешность, или же подлец и лицемер, как все они?

— Все же, где Чанду, мать? — спросил я.

— Я не знаю, сынок, — ответила она на этот раз искренне и просто. — Он ушел в город и сказал, что постарается заработать немного денег, брея встречных. Я не знаю, что он затеял. Я думаю только, что он не должен раздражать клиентов, которых обслуживал его отец. Он ребенок и вбил себе в голову смешные фантазии. Им не следовало бы сердиться на него. Он ведь совсем мальчик. Тебе хочется повидать его и погулять с ним. Ладно, я скажу ему, когда он придет. Я думаю, что он только сейчас вышел на дорогу.

— Хорошо, мать, — сказал я и пошел домой.

Вечером Чанду вызвал меня условным свистом. Мы договорились сигнализировать друг другу, чтобы избавиться от упреков, которые вызывала наша дружба со стороны старших.

— Пойдем погуляем по базару, — сказал он. — Я хочу тебе что-то сказать. — И как только мы отошли от дома, он сразу же начал.

— Знаешь, — говорил он мне, — сегодня я стриг и брил около здания суда и заработал за утро рупию. Я заработал бы еще больше, если бы не надо было рано вечером возвращаться домой на запятках экипажа Лала Хукам Чанда. Я хочу проучить этих правоверных идиотов. Я забастую и больше не буду их обслуживать. Я думаю купить за пять рупий японский велосипед у спекулянта, сына Хукам Чанда, и буду каждый день ездить на нем в город. Разве плохо я буду выглядеть в моем пальто, черных кожаных туфлях и белом тюрбане, особенно если впереди моего двухколесного коня будет висеть связка инструментов?

— Конечно, — согласился я.

Я был очень взволнован, и не потому, что представил себе, как все будут поражены, увидев Чанду на собственном велосипеде, — нет, я почувствовал, что приблизился к пределу своих мечтаний: ведь если Чанду удастся достать велосипед, то рано или поздно он возьмет меня с собой в город, посадив на багажник, а может быть, даже разрешит мне покататься самому.

Чанду обделал всю сделку с сыном Хукам Чанда так ловко, что это, как мне кажется, доказало наличие у него деловых качеств, чего я раньше никогда не предполагал, видя, как безрассудно он тратит деньги.

Чанду сказал мне таинственно:

— Обожди денек или два. Я покажу тебе нечто такое, над чем ты будешь смеяться так, как никогда еще не смеялся.

— Ну, скажи сейчас, — приставал я с тем нетерпением, которое я всегда чувствовал, когда слышал о какой-нибудь новой затее Чанду.

— Нет, нет, подожди. Сейчас я тебе могу лишь намекнуть. Это секрет, который может знать только парикмахер. А теперь помоги мне выучиться ездить на машине. Подержи ее, пока я на нее влезу, и я думаю, что все будет в порядке.

— Но ведь не так учатся ездить на велосипеде, — сказал я. — Отец начинал учиться, сидя на багажнике, а брат сперва старался балансировать на педали.

— Твой папаша — глупая обезьяна, а брат — длинноногий паук. А я родился в рубашке! — засмеялся он.

— Ладно, — сказал я и стал держать машину.

Но когда мой взгляд с восхищением упал на блестящую полированную решетку, я выпустил велосипед из рук, и Чанду с треском свалился на бок вместе с машиной. Из лавки сахукара, где возле хозяина сидела группа крестьян, раздался взрыв смеха. Сахукар закричал:

— Так тебе и надо, чертов сын этого железного века! Переломай себе кости и сдохни, выскочка, в другой раз уже больше не полезешь.

Чанду потупил голову от стыда и пробормотал по моему адресу ругательства:

— Дурак! Бесполезное существо!

Я думал, что он схватит меня за горло и отлупит за то, что я явился причиной его позора. Но он взглянул на меня, смущенно улыбнулся и сказал:

— Мы посмотрим, кто будет смеяться последним: я или они.

— Теперь я уж буду крепко держать машину, — сказал я серьезно и поднял велосипед.

— Да, да, сломай себе кости, свинья! — донесся до нас крик джагирдара.

— Не обращай внимания, — сказал Чанду. — Я им скоро покажу!

Он взобрался на велосипед, а я крепко, изо всех сил держал его.

— Пусти, — сказал Чанду.

Я слегка отпустил велосипед. Чанду правой ногой нажал на педаль, и как только колесо стало резко поворачивать в сторону, велоси-

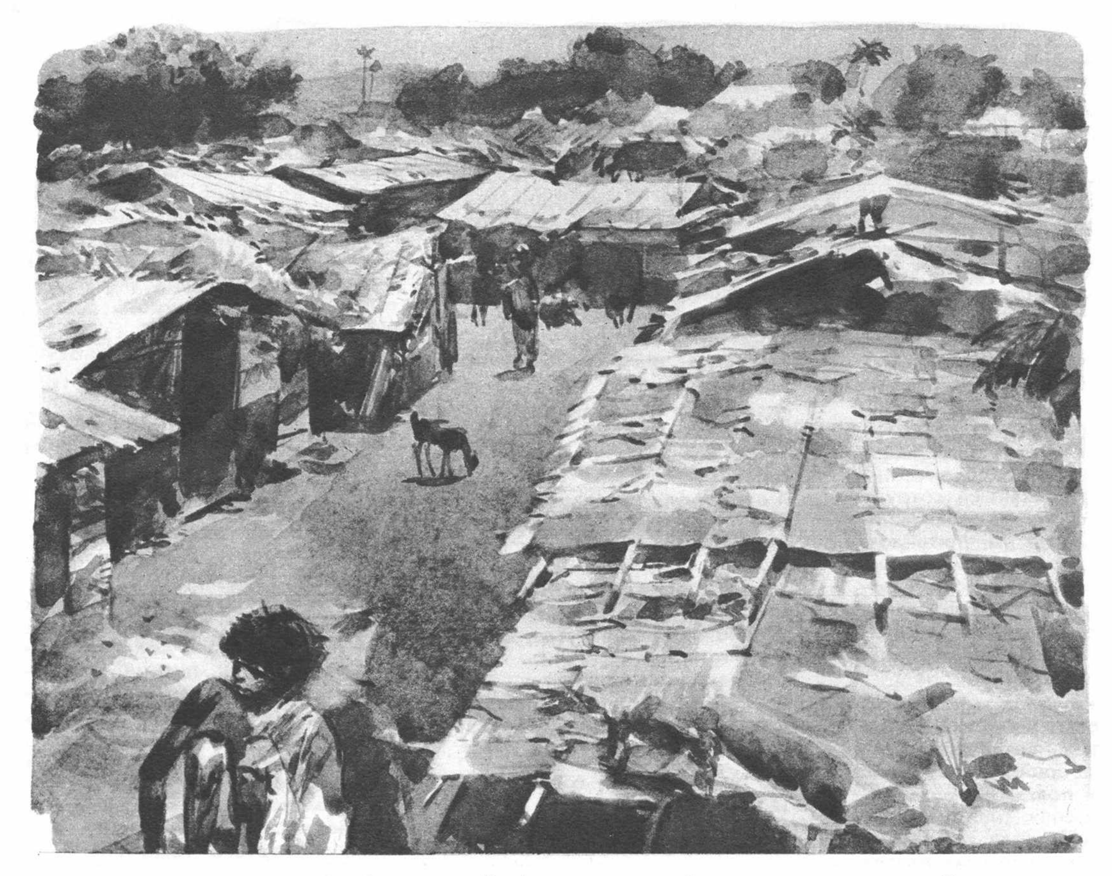
---

1 Джагирдар — помещик.

2 «Рам, рам!» — восклицание, соответствующее нашему «О, боже!»

3 Сахукар — ростовщик.

4 Пандит — священник.

пед резко наклонился набок, но Чанду тут же нажал другую педаль. Машина качалась из стороны в сторону, затем сильно накренилась вправо, и я увидел, что Чанду приподнялся на седле и неестественно согнулся. Руль велосипеда угрожающе вилял. В лавке раздавался хохот и сыпались насмешки по адресу Чанду. Я подумал, что он потерпит неудачу, если не от своей полной неспособности, то от смущения. Но каким-то чудом Чанду стал правильно нажимать на педали, его крепкие руки приспособились держать руль, и он поехал. Я бежал за ним и кричал: «Браво!» Проехав полмили, он повторил свой трюк.

Мне очень хотелось разделить с Чанду радость впервые приобретенного мастерства, но я не смог увидеть его на следующий день: меня сразу же после школы увезли к моим теткам в Верка. На третий день Чанду позвал меня и сказал, что теперь он покажет то, о чем говорил в прошлый раз.

Я быстро пошел за ним и опять стал приставать:

— Ну, скажи наконец, в чем же дело?

— Смотри, — сказал он, прячась за печью деревенского горшечника. — Постарайся разглядеть, кто там есть.

Я внимательно оглядел все лица и на какое-то время был сбит с толку.

— Там ведь только крестьяне, — сказал я. — Они сидят и ждут джагирдара.

— Посмотри еще раз, дурачок. Джагирдар там, но все его длинное лицо стало грязным от белой небритой щетины.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся я, пораженный контрастом между пышными усами (которые, как я знал, джагирдар красил) и торчащей кустами растительностью на его подбородке и щеках. — Вот так тоскующий лев! Жалко же он выглядит! — закричал я во всю глотку.

— Тише ты! — предупредил меня Чанду. — Не галди. Посмотри на сахукара. Он похож на прокаженного. На его моржовых усах, которые я раньше приводил в порядок, коричневые следы табака. А теперь пробеги мимо лавки и крикни им: «Бородачи!». Им нечего будет тебе на это ответить.

Я был слишком нетерпеливым учеником проказливого Чанду, чтобы ждать.

— Бородачи! — кричал я, пробегая мимо бакалейной лавки к краю площадки около баньянового дерева.

Собравшиеся у лавки крестьяне разразились хохотом, который они, видимо, давно сдерживали, так как заметили буйную растительность на лицах начальства, но не смели ничего сказать.

— Держи его, держи его, маленького мошенника! — кричал сахукар. — Он заодно с тем мальчишкой Чанду.

Но я, конечно, влез на баньяновое дерево, спрыгнул оттуда на стену храма и стал кричать «бородачи».

Слух о забастовке мальчика-парикмахера распространился повсюду, и в каждом доме не было конца шуткам по поводу неопрятных бород деревенского начальства. Даже люди из высших каст и члены семей начальства стали посмеиваться над их запущенной внешностью и отпускать по их адресу непочтительные замечания. Говорили, что жена джагирдара в конце концов пригрозила убежать с кем попало, потому что она была моложе мужа на двадцать лет и терпела его, пока он следил за собой, но теперь почувствовала к нему отвращение, которого не могла больше вынести.

Чанду успешно вел свои дела в городе. Он копил деньги и покупал себе новые вещи, а мне делал разные подарки. Деревенское начальство грозилось отправить его в тюрьму за нарушение порядка и приказало его матери заставить сына подчиниться им. Но мать Чанду, в первый раз в жизни ощутившая, что такое приличная жизнь, высказала им все, что она думала о них, на языке, еще более понятном, чем тот, на котором она обычно с ними разговаривала. Тогда им пришлось подумать о том, как бы заполучить парикмахера из Верка, уговорить его и предложить за услуги анну вместо двух пайс [1] — обычной платы, которую получал от них Чанду.

Чанду же был охвачен новой идеей, еще более оригинальной, чем все предыдущие. Заведение Нринчан Даса, городского парикмахера, натолкнуло его на мысль о том, что хорошо было бы открыть свою парикмахерскую на дороге, у въезда на базар, объединившись со своим двоюродным братом-парикмахером из Верка, с Дхуну и другими парикмахерами, работавшими в радиусе семи миль от деревни. Он высказал эту идею своему двоюродному брату, Дхуну и другим парикмахерам на специальном профессиональном собрании. И поскольку, помимо всех других качеств ума и сердца, Чанду обладал также и даром слова, он убедил парикмахеров в том, что пора заставить деревенских богатеев ходить в парикмахерскую, а не танцевать перед ними на задних лапках.

Вслед за «Салоном стрижки и бритья братьев-парикмахеров района Раджкот» в наших краях образовалось много других профессиональных союзов мастеровых.

Перевел с английского **А. ГНАТЮК-ДАНИЛЬЧУК.**

[1] Анна и пайса — мелкие монеты.

Драматический театр в Красноярске

Год назад на этом месте стояло ничем не приметное здание. В давние времена здесь помещалось так называемое «Благородное собрание».

В 1917 году в этом здании состоялось заседание Красноярского революционного комитета, о чем напоминает мемориальная доска. Затем, с первых дней Советской власти, здесь разместился городской театр.

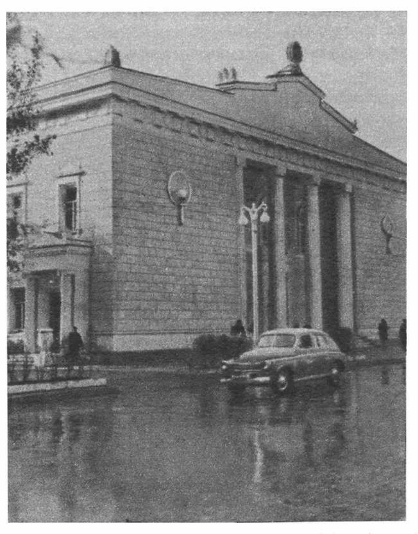
В этом году коллектив театра начал новый сезон в реконструированном помещении. Накануне 36-й годовщины Октября центр города украсился монументальным сооружением с колоннадой и небольшими скверами, разбитыми по обе стороны здания. На фронтоне появилась лепная надпись: «Краевой драматический театр имени А. С. Пушкина».

По существу, от прежнего здания не осталось и следа. Неузнаваем зрительный зал: он весь в мраморе, узорчатый пол выложен плитами белого и серого цвета. Вверху подвешена огромная, выполненная из металла, дерева и художественной мастичной лепки люстра, по карнизу которой размещены 350 электрических ламп. Зрительный зал не только стал наряднее, но и вместительнее.

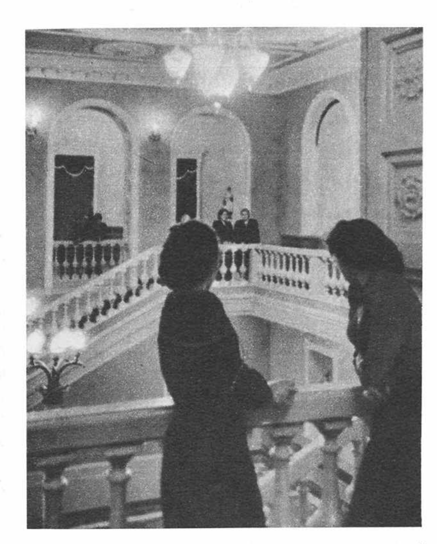
Две широкие мраморные лестницы ведут в фойе второго этажа, где расположены и буфетные залы.

На отделку театра использованы цветные мраморы. В реконструкции театра, произведенной по проекту красноярских архитекторов, приняли участие рабочие заводов и промысловых артелей Красноярска.

А. АЛЕКСЕЕВ

Драматический театр имени А. С. Пушкина.
Фото В. Мишакина.

Две широкие лестницы ведут в фойе второго этажа.
Фото П. Макарова.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Великий венгерский поэт

Государственное издательство художественной литературы закончило выпуск в свет четырехтомного собрания сочинений великого венгерского поэта Шандора Петефи.

«Петефи — та алмазная застежка, которая скрепила венгерскую литературу с мировой литературой»,— писал в свое время выдающийся чешский поэт-демократ Ян Неруда. Конечно, поэта такого масштаба, как Петефи, нельзя себе представить без стекшихся к нему со всех сторон поэтических притоков: народной песни, творений старших поколений венгерских поэтов (Бачани, Чоконаи, Вёрёшмарти),— как нельзя себе представить Дунай без Савы и Дравы, без Моравы и Тисы, без Серета и Прута, вливающихся в эту чудесную реку. Выпущенная в конце прошлого года «Антология венгерской поэзии» убедительно показала нам, какими замечательными народно-демократическими традициями была издавна проникнута венгерская поэзия, какие самобытные поэты были современниками Петефи (Томпа, Арань) и в какие могучие руки перешло его великое наследие.

И все же именно благодаря Петефи венгерская поэзия вошла как равная в семью великих европейских литератур. Этому нетрудно найти объяснение. Петефи — основоположник венгерской революционно-демократической поэзии, совесть венгерского народа, с замечательным талантом и страстностью передавал чаяния прогрессивных сил всего европейского общества сороковых годов XIX века. Он имел счастье видеть свой народ поднявшимся для могучей революционной борьбы, для справедливой войны за свою национальную независимость. Более того, он был активным участником и вдохновителем венгерской революции 1848—1849 годов, одним из самых последовательных ее вождей.

Жизнелюбивый, темпераментный, человек из народа, он неминуемо должен был стать под революционное знамя. Верный этому знамени, он погиб в бою за свой народ и его свободу. Тяжело раненный, истекающий кровью поэт тихо сказал неприятельским солдатам, подбиравшим тела убитых:

— Я — Петефи. Я еще жив...
— Ну, так сдохни! — крикнул ему бесчувственный враг, и великого венгерского поэта бросили в общую могилу...

Петефи было тогда только двадцать шесть лет. Но он уже успел завоевать себе славное имя.

В России его творчество сразу привлекло к себе внимание. Еще в начале пятидесятых годов его стихи переводил ближайший сотрудник некрасовского «Современника» поэт-демократ М. Михайлов. Однако лишь после Великой Октябрьской социалистической революции русский читатель познакомился с поэзией Шандора Петефи во всем ее замечательном разнообразии.

Широким кругам советских читателей Петефи знаком главным образом по вышедшему в 1948 году сборнику избранных произведений поэта. Рецензируемое собрание сочинений Шандора Петефи — новый этап в плодотворной работе советских поэтов и переводчиков по воссозданию на русском языке поэзии и прозы великого венгра.

Петефи — поэт горячего сердца. «Лава искренности» — так определил его поэзию другой выдающийся венгерский поэт, Эндре Ади. Недаром Петефи высказал однажды надежду, что его сердце не остудит даже смерть. «Похороните меня на севере и посадите возле моей могилы апельсиновое деревцо, — воскликнул он в остроумном дружеском послании, — увидите, оно и там будет цвести, потому что сердце мое согреет землю, в которой будет покоиться». У Петефи не было и нет равнодушных читателей. Так же как он много любил и ненавидел, любили и ненавидели его. Петефи любили все благородные борцы за свободу венгерского народа и раскрепощение человечества и яростно ненавидели темные силы реакции.

Голос великого венгерского поэта — сильный и покоряющий голос, остающийся в известном смысле все тем же в веселье и печали, в любви и ненависти. Это все тот же Петефи, и когда он в лад с народной песнью слагает такие стихи, как:

У леса — птичья трель своя,
У сада — мурава своя,
У неба — звездочка своя,
У парня — милая своя,—

и когда он гневно обрушивается на продажных писак, посягавших на его достоинство поэта и народного трибуна:

Вы ж знаете: я грубоват бываю!
Таков я есть! И что поделать тут:
На вызов мужа саблей отвечаю,
А на собаку подымаю кнут! —

и когда он воссоздает благодушный рассказ отставного солдата, гордого венгра, не терпящего бездушной армейской муштры («Который стакан»):

Где нельзя найти виновных,
Там солдат
По уставу безусловно
Виноват.
И поплатится тем паче рядовой,
Если он рожден с горячей головой.

. . . .

Впрочем, много я болтаю
Во хмелю.
Словно мельница пустая,
Я мелю.
Но без влаги не вертятся жернова...
Дайте мне стаканчик, братцы, или два...

Что роднит между собою такие, казалось бы, несхожие стихи? Что заставляет во всех случаях сознавать: это Петефи, его голос, его огненный темперамент? Неповторимое умение поэта выражать широкую натуру венгерской нации и замечательная народность его творчества. Это сказывается и в художественных приемах Петефи и в его любви к бесхитростному простому человеку. Петефи был безотчетно, органически народен, но он же и сознательно стремился к внедрению народного начала в литературу, в эстетику. «Что бы там ни говорили, а истинная поэзия — поэзия народная, — утверждал Петефи. — Согласимся на том, что ее надо сделать господствующей». Именно этот пафос его творчества и имел в виду Гейне, когда ставил Петефи в один ряд с такими подлинно народными поэтами, как шотландец Бернс и француз Беранже...

В четырехтомном собрании сочинений Шандора Петефи все стороны его многогранного творчества получили ясное отражение. Лирику и поэмы Петефи (среди поэм следует особенно отметить «богатырскую» поэму «Витязь Янош», остро-политического, разоблачительного «Апостола» и задушевно-лирический «Волшебный сон») перевели С. Маршак, Н. Тихонов, М. Исаковский, Б. Пастернак, Л. Мартынов, В. Левик, В. Инбер, Н. Чуковский и ряд других поэтов-переводчиков. Привлечение столь большого коллектива переводчиков к переводу произведений одного автора, казалось бы, таит в себе некоторую опасность, особенно, если учесть разность их поэтических индивидуальностей. Но мы уже говорили о неповторимости и увлекающей силе голоса Петефи. В истинно хороших переводах голос поэта всегда звучит много громче индивидуальных интонаций того или иного переводчика.

Коллективу поэтов-переводчиков в большинстве случаев удалось передать народную, национально-венгерскую основу поэзии Петефи. Многие из переводов, вошедших в состав четырехтомника, являются образцовыми стихотворениями, стихотворениями, доносящими до нас все художественное своеобразие подлинника.

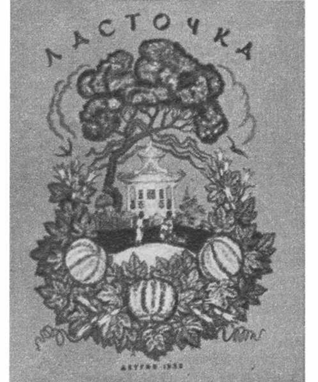
Первые три тома собрания изданы в 1952 году. Недавно вышедший последний том содержит путевые дневники, письма, политические и литературные статьи поэта. По ним советский читатель знакомится с Петефи-человеком, с отдельными этапами его личной и общественной жизни, а она была не менее прекрасна, чем его творчество. Знакомясь с содержанием четвертого тома собрания сочинений Петефи, видишь воочию, насколько неразрывно слиты в этом замечательном человеке поэт и борец-революционер.

Четвертый том развертывает перед нами захватывающую картину страстной, неослабевающей борьбы великого поэта-революционера за интересы трудящихся масс, против соглашательской политики венгерского дворянско-буржуазного правительства, вступившего в изменническую сделку с Австрией. Порою Петефи-политик ошибался, но он всегда умел исправлять свои ошибки, защищая политические идеи, наиболее отвечающие нуждам народа.

Не только в стихах Петефи:
Что ни рифма
И что ни слово, то — солдат, —
тем же боевым духом проникнуты и его статьи, дневники, письма. С этих же страниц глядит на нас верный друг, любящий муж и отец,— словом, все тот же человек большого сердца.

Пониманию личности и творчества Петефи помогает содержательная вводная статья А. Гидаша. Составительница и редактор переводов А. Краснова немало позаботилась о том, чтобы замечательное литературное наследие Петефи было достойно воссоздано на русском языке.

Н. ВИЛЬМОНТ

КОРОТКО О КНИГАХ

Помимо тех сказок, которые давно вошли в обиход детского чтения, Детгиз выпустил несколько сказок, которые до последнего времени вообще были неизвестны русским читателям. Среди них корейская народная сказка «Ласточка», венгерская — «Два жадных медвежонка» и словацкая — «У солнышка в гостях».

Всяческих похвал заслуживает работа художников Н. Кочергина, Е. Рачева и Ю. Васнецова, создавших превосходные иллюстрации к этим сказкам.

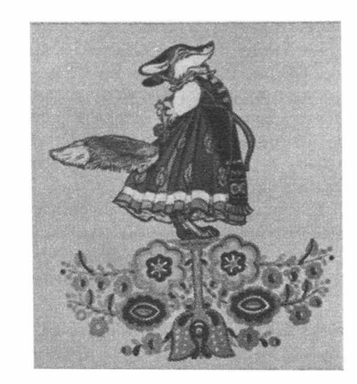
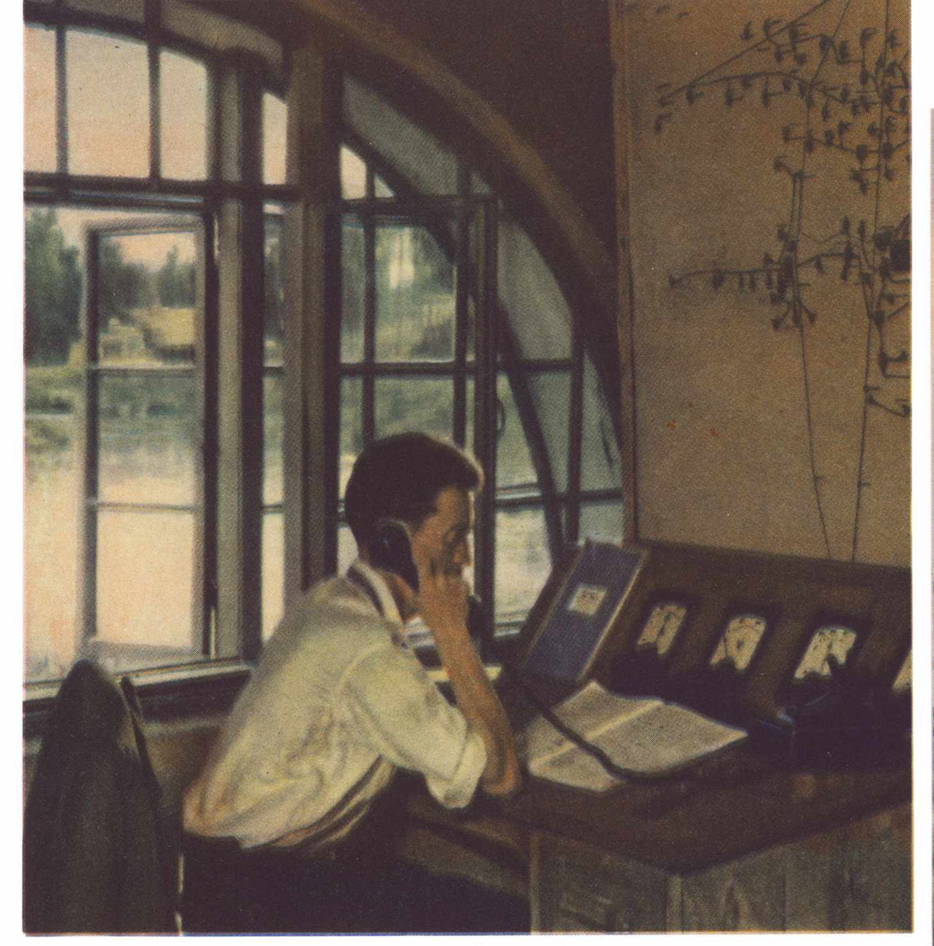

Иллюстрация Е. Рачева к венгерской сказке.

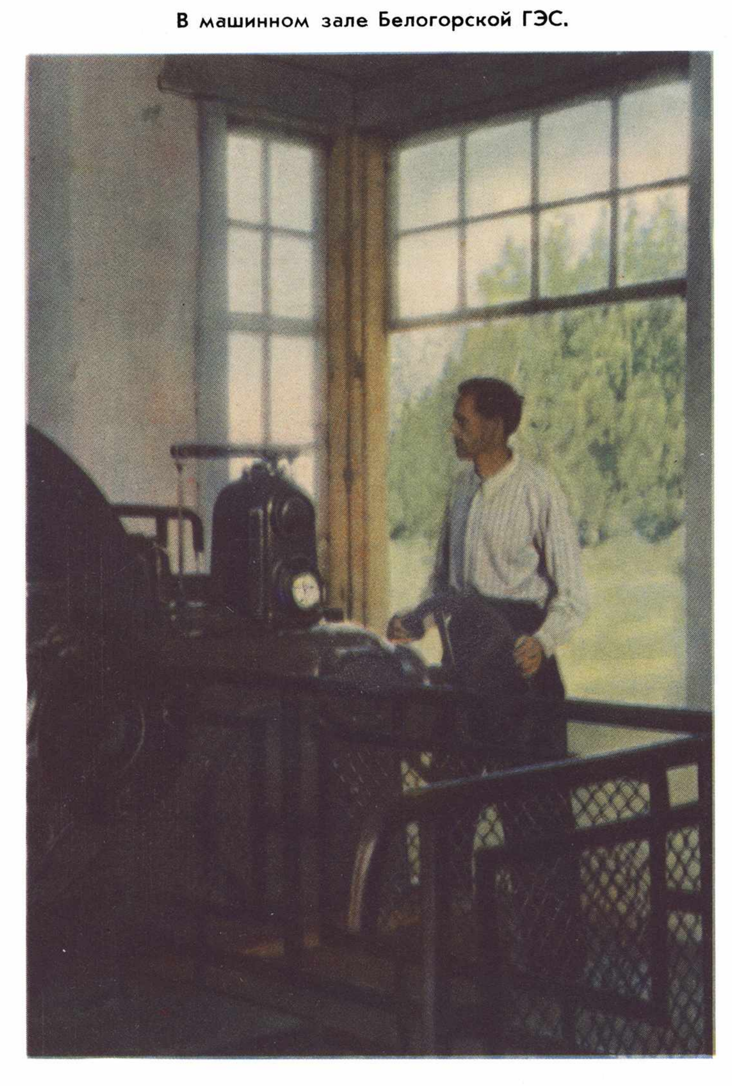

Сиверская ГЭС, где сосредоточено управление каскадом.

Каскад сельских электростанций

Фото И. Тункеля.

В машинном зале Белогорской ГЭС.

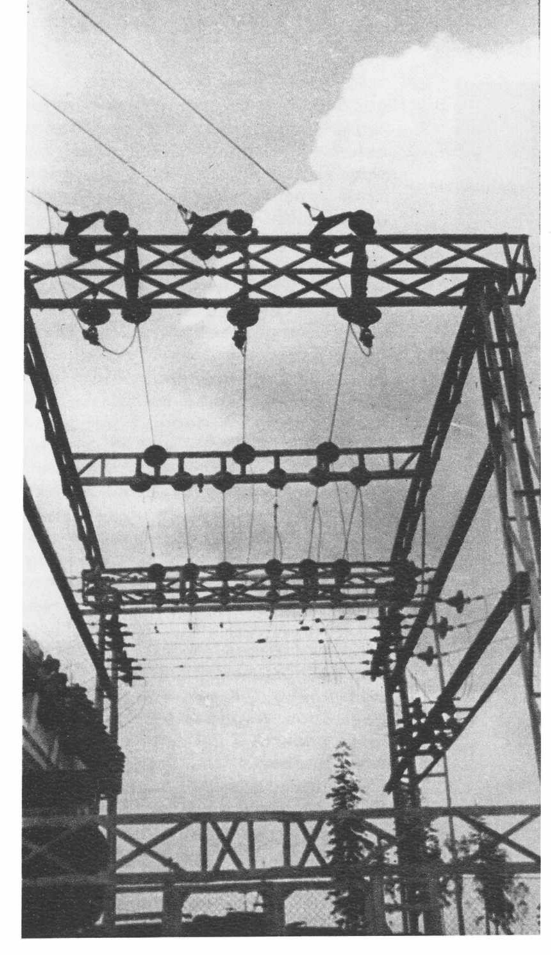

→
Плотина Белогорской ГЭС. Пенясь и урча, река входит в русло.

Здание Белогорской ГЭС.

Штурвал подъемного щита Рождественской ГЭС.

Каскад сельских электростанций

От села Заречья берет свое начало река Оредеж. Раздвигая лесные заросли, узкой ленточкой устремляется она в низовья — к деревне Даймище. Встретив на пути широкую плотину сельской гидроэлектростанции, река замедляет бег и, разливаясь вширь, образует зеркальную гладь водохранилища.

У плотины — сверкающее белизной здание Даймищенской ГЭС. Каждый час машинист проверяет уровень воды в верхнем бьефе. Водный поток спадает с высоты в три метра и, пройдя отводящий канал, пенясь и урча, выходит в русло. Совершая замысловатые повороты, река катит воды вдоль высоких берегов, приближаясь к плотине второй гидростанции. И опять русло теряется в новом водохранилище — ниже Даймища.

Накапливая воды у верхнего бьефа Рождественской ГЭС, Оредеж снова отдает свою энергию турбинам и, стремительно вырываясь «на волю», продолжает путь мимо живописных прибрежных селений до железобетонной плотины Сиверской ГЭС. Пройдя через турбину, воды Оредежа мчатся вперед. Но уже на пятом километре их останавливает плотина Белогорской ГЭС.

...Мы на Сиверской ГЭС, где сосредоточено управление всем каскадом. У правого крыла здания возвышаются ажурные металлические фермы приемного портала с повышающей подстанцией. Отсюда уходят вдаль провода высоковольтных линий, связывающие эту ГЭС с остальными гидростанциями Оредежского каскада.

Входим в светлую комнату диспетчерской. Снизу доносится шум водопада. Вахту дежурного диспетчера только что принял техник Мефтах Сабирович Девушев. Перед ним на столе вахтенный журнал. Каждый час звонят с гидростанций, сообщают об изменениях уровня воды в верхних бьефах, о том, какова нагрузка станций, сила и частота тока. Донесения станционных машинистов заносят в журнал. Заглянешь в него — и видишь картину работы всего каскада, узнаешь о резервах и возможностях каждой ГЭС.

А резервы эти велики!

Оредеж — река мелководная, ее переходят вброд. Но весной, когда стекают талые воды, в дождливое лето, да и осенью она становится полноводней. До сооружения каскада водные ресурсы реки использовались нерационально, часто «сбрасывались вхолостую». Случись вынужденная остановка агрегатов на одной из станций, и в зоне, обслуживаемой ею, прекращалась подача энергии колхозам, гас свет в сельских домах. А в то же время соседняя гидростанция располагала излишними мощностями.

Так родилась идея, использовав рельеф реки, создать каскад ГЭС. Были установлены более мощные агрегаты, проложены высоковольтные линии, станции соединены диспетчерской связью. И теперь один диспетчер регулирует работу всех оредежских ГЭС, используя водные ресурсы на полную мощность.

Раздается телефонный звонок. М. С. Девушев снял с аппарата слуховую трубку. Звонят с Даймищенской ГЭС. Там пронесся сильный грозовой ливень. Уровень воды в верхнем бьефе достиг 326 сантиметров, превысив норму.

— Открыть щит холостого водосброса! — распоряжается Девушев. И тут же снимает трубку с другого аппарата, чтобы поставить об этом в известность Рождественскую ГЭС, стоящую в каскаде на ступень ниже.

Когда «сброшенные» излишки воды подошли сюда, рождественцы повысили нагрузку, увеличили выработку электрической энергии.

Девушев посматривает на приборы, заглядывает в журнал. Вот еще звонят. С Белогорской ГЭС доносит машинист С. Богданов: уровень воды сработан до предельной отметки.

— Что собираетесь делать?

— Надо бы остановить гидростанцию!

— Правильно,— подтверждает Девушев.— Останавливайте турбину и накапливайте воду!

Прежде при такой операции прекращалась подача энергии, выключались электродвигатели. Теперь же колхозная деревня не ощутит никаких неудобств. Электроэнергия будет поступать попрежнему, только с других станций каскада. Диспетчер может маневрировать, планомерно снабжая район энергией.

С включением сельских ГЭС в каскад общая мощность их более чем удвоилась. Но бывают дни «пик», особенно в страдную пору полевых работ, когда недостает и этого запаса энергии. Тогда диспетчер через Сиверскую ГЭС включает каскад сельских станций на параллельную работу с государственной энергетической системой Ленинграда. Получая необходимое подкрепление из мощной системы Ленэнерго, сельские гидростанции обретают новые силы.

Потребителей электрической энергии оредежских ГЭС много: двенадцать колхозов, семь совхозов, четырнадцать домов отдыха и санаториев, тринадцать амбулаторий и больниц. А кроме того — железнодорожные станции, мастерские МТС, школы, клубы... Пятнадцать тысяч осветительных точек насчитывается в домах и на улицах деревень и поселков.

Каскад преобразил экономику Гатчинского района. Мощность электродвигателей в колхозах увеличилась в шесть раз. В Даймище вырос крупный птицесовхоз «Заводский». В его инкубаторах ежегодно выводят сотни тысяч цыплят, утят, индюшат. Возникло множество островков, усеянных хлопотливыми птицами.

Колхоз имени Ленина, располагая многоотраслевым хозяйством, использует энергию каскада ГЭС для механизации обмолота хлебов, очистки зерна, подачи воды на животноводческие фермы, подогрева почвы в парниковых рамах. На фермах установлены электродоильные аппараты, в мастерских — электропилы.

Оредежский каскад малых сельских гидростанций облегчает труд колхозников, несет культуру в их быт.

К. ЧЕРЕВКОВ

СТО МИЛЛИОНЕРОВ

Почти в середине величайшей воздушной магистрали, протянувшейся от Москвы к берегам Тихого океана, находится Иркутский аэропорт. Отсюда пролегают трассы в Китай, Монголию, к Ледовитому океану и Сахалину, в Якутию и на Урал.

Сейчас в эскадрильях Иркутского аэропорта трудится свыше ста авиаторов, каждый из которых налетал более миллиона километров.

Недавно решено было сфотографировать всю эту группу «миллионеров» Иркутского аэропорта для альбома библиотеки партийного комитета. Однако выяснилось, что собрать всех «миллионеров» невозможно: один из них только что стартовал в Бодайбо, другой находился в воздухе где-то над Яблоновым хребтом, третий — в Новосибирске, четвертый приземлялся в Чите...

Тогда решили фотографировать «миллионеров» отдельными группами. И вот на посадочной площадке приземляется воздушный корабль «Л-1727», пилотируемый дважды «миллионером» Александром Васильевичем Константиновым. Около самолета собираются свободные пилоты, бортмеханики и бортрадисты — «миллионеры». Иван Михайлович Уржумов, авиатор-фотолюбитель, приготавливается к съемке.

Замечательных людей запечатлеет на пленке его аппарат! Вот Василий Трифонович Булгин. Ему нет еще и сорока лет, а за 20 лет службы в авиации он налетал два миллиона километров. У Булгина какое-то поразительное умение находить с воздуха пропавшие без вести в горах и тайге геологические и топографические группы, далекие стоянки охотников, забытые тропы или перевалы. В нагрудном кармане летчика-«миллионера» хранится благодарственное письмо от группы топографов, которым он спас жизнь.

Василий Трифонович рассказал нам об этом полете.

Прежде чем лететь на розыски топографов, заблудившихся в горах, Булгин внимательно изучил карту и собрал сведения о задачах, которые стояли перед ними. Потом, расчертив карту на условные квадраты, полетел в горы.

Лететь по «квадратам» было трудно: землю закрывала серая хмарь, с гор наползали тучи, в ущельях клубился густой туман. Пилот мысленно представил себе, что делал бы он сам в таком же бедственном положении на месте бригадира топографов, в какую сторону повел бы людей, где разбил бы лагерь. «Нужно искать топографов на перевале»,— решил он. И действительно, вскоре, воспользовавшись просветом в облаках, штурман самолета заметил людей, лежавших около потухшего костра. На парашютах им были сброшены тюки с продовольствием, радиостанцией, почтой.

Другой командир воздушного корабля — Василий Яковлевич Филимонов — налетал два с половиной миллиона километров, побывал во всех уголках страны. За спасение людей высокогорного рудника правительство наградило его орденом.

Жесточайший снежный буран внезапно налетел на рудник, завалил его сугробами, перемел дороги, прервал связь с «большой землей». В снегах завязли тракторы и грузовики. Нужно было срочно доставить на рудник продовольствие, бензин. Филимонов повел машину в узкое ущелье, на дне которого кипела бурная, не замерзающая даже в морозы река.

В белесой мгле чернели зубчатые гребни хребтов. Пилот нашел рудник и, несколько раз повторив свой «ураганный рейс», доставил туда все необходимое.

Известный всей гражданской авиации инструктор-бортрадист Николай Васильевич Курбатов был в Китае, Америке, Румынии, Австрии, исколесил весь Советский Союз, налетал около трех миллионов километров.

— За двенадцать лет работы у меня ни разу не выходила из строя радиоаппаратура,— говорит Курбатов.— Мне удавалось бесперебойно держать связь и в грозу, и в бурю, за Полярным кругом, над океаном, над горами и пустынями.

Автору этих строк вспомнилось, что лет двадцать назад на этом же Иркутском аэродроме происходила примерно такая же фотосъемка. Тогда перед объективом стояло всего три полярных летчика во главе с ветераном Крайнего Севера Виктором Львовичем Галышевым. Три пилота, налетавшие вместе 150 тысяч километров, не имели в то время себе равных в Сибири. Да и порт в Иркутске был такой, что на летном поле, поросшем травой, фотографу пришлось отгонять хвостиной коз и корову...

Е. РЯБЧИКОВ

«Миллионеры» в Иркутском аэропорту.

Фото автора.

Цветочная церемония. Художественная открытка.

ЖИВОПИСЬ ЯПОНИИ

М. АНДРЕЕВ

С давних пор в Японии существует культ цветов. Цветам посвящаются национальные праздники, специальные карнавалы, празднества и процессии; поэты слагают о них стихи, а родители дочерям своим дают имена любимых цветов. Даже самый бедный японец старается украсить свою хижину хотя бы веткой цветущей сакуры (вишни)... Искусные изображения цветов украшают национальную одежду японки. Цветы — символ радости жизни — обязательны и в старинных театральных представлениях.

Изображения чудесных японских пейзажей и цветов увидели мы в Национальном музее японской классической живописи в Токио (парк Уэно). Правда, этот музей, являвшийся когда-то гордостью японцев, производит теперь довольно жалкое впечатление. Многочисленные залы музея, выдержанного в духе японской классической архитектуры, наполовину пустуют. На загрязненных стенах сохранились следы висевших там, но исчезнувших картин. На наш недоуменный вопрос служитель музея сообщил следующее. Когда-то здесь было размещено богатейшее собрание старинной японской живописи, расхищенное во время войны и в первый период после капитуляции Японии. Немало ценнейших произведений старинного японского искусства было скуплено за бесценок американцами.

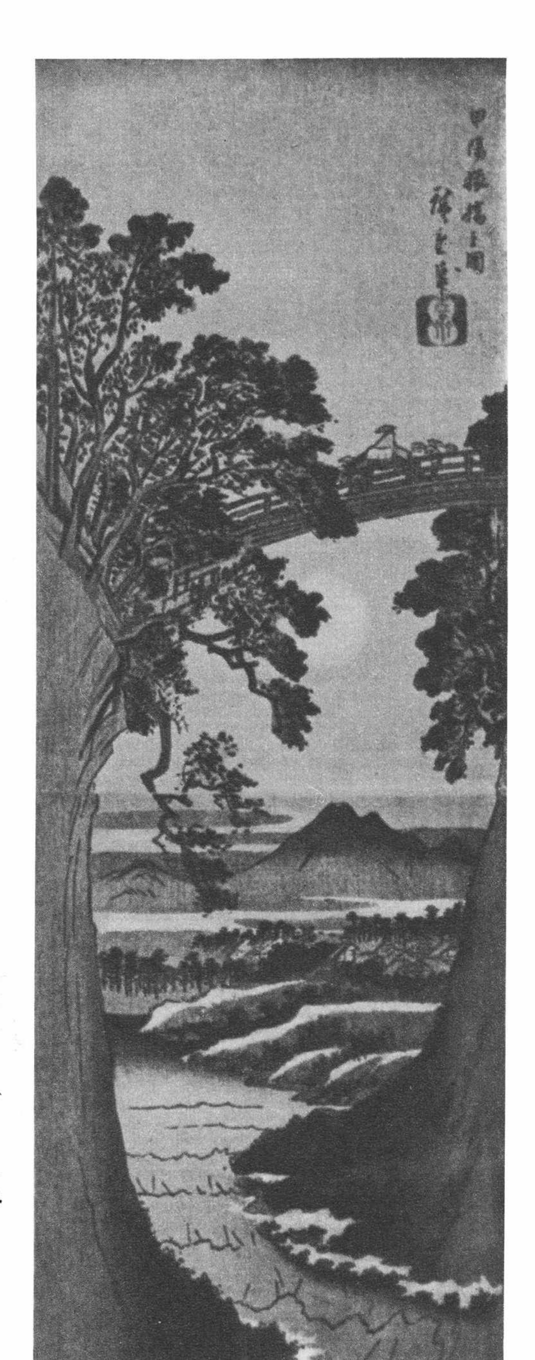
Сохранившиеся в музее картины, принадлежащие кисти больших мастеров классической живописи, дают представление о характере этой живописи.

Классическая живопись Японии в основном декоративная. Настенные панно («Каке моно») разных размеров изображают идиллический японский пейзаж, или одинокое дерево, или просто ветку цветущей сакуры. Иногда эти картины посвящены любовной теме. Выполнены они тушью или углем, реже маслом; иногда вышиты золотом или шелком.

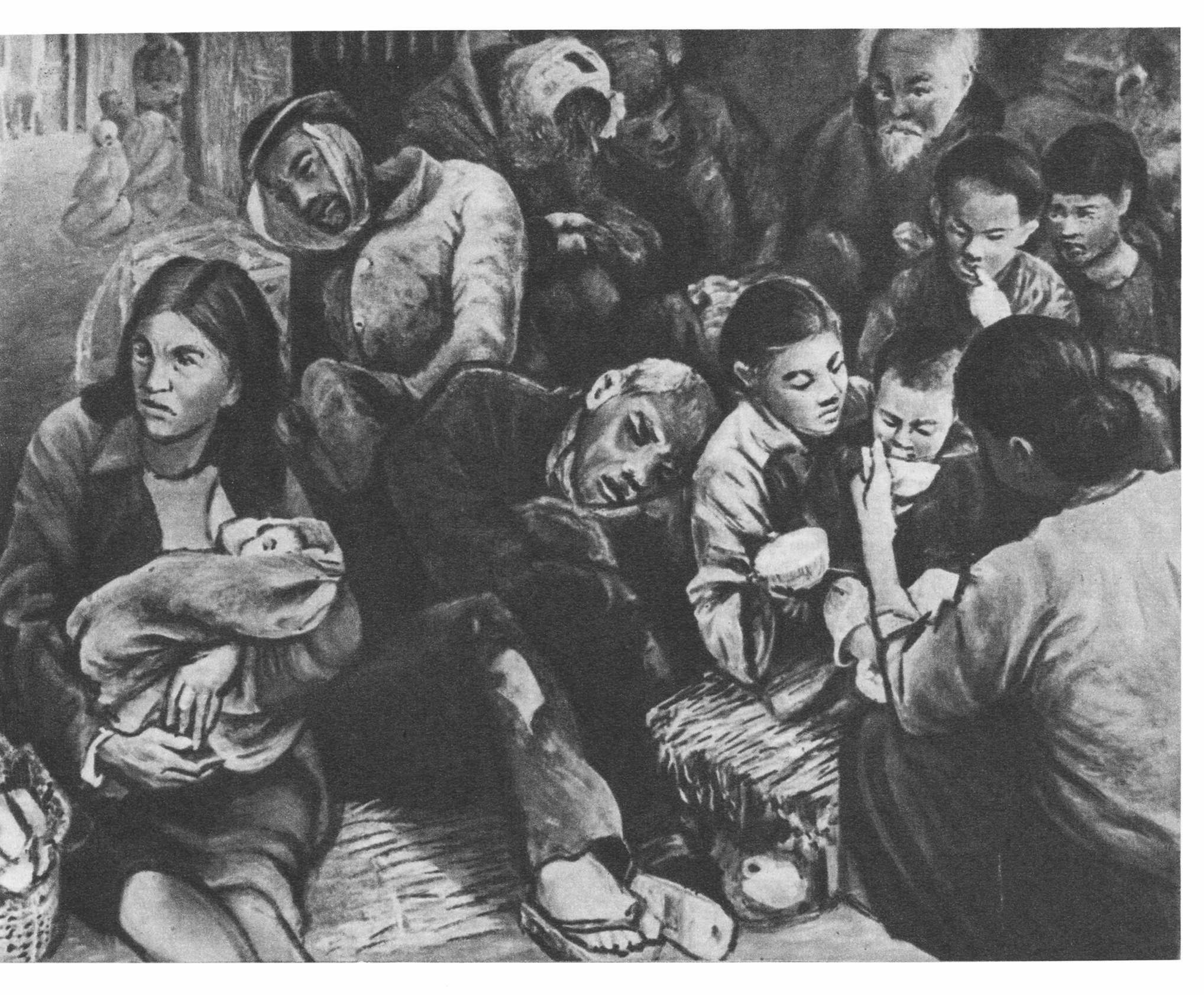
Часто огромные панно составлены из отдельных квадратов, причем каждый квадрат художник писал отдельно, как часть целой картины. Но и на такой картине,

← **Ито Дзякучи** (1716—1800). ПЕТУХИ.

→ **Андо Хиросите** (1797—1858). МОСТ ЕНКЕ.

Хироя Такаянаги. БЕЗДОМНЫЕ.

занимающей чуть ли не всю стену зала, зачастую бывает изображена всего одна ветка какого-либо цветущего дерева.

Техника выполнения картин очень высокая. Видно, что, отрабатывая мельчайшие детали изображаемого предмета, художник вкладывал в это все свое мастерство. Требовались годы упорного труда для того, чтобы закончить картину.

Резким контрастом классическому искусству являются картины современных японских художников. Галерея их расположена здесь же. Стены двадцати пяти обширных залов увешаны произведениями японских модернистов. Подавляющее большинство этих картин производит впечатление беспорядочной, лишенной всякого смысла мазни. Предметы изображены здесь без какого бы то ни было соблюдения пропорции, перспективы и окрашены в самые неестественные цвета.

Вот картина художника Харада «Женщина на пляже». Темнозеленое бесформенное тело уродливым силуэтом выделяется на фоне моря, выкрашенного почему-то в яркокрасный цвет. На другой картине изображены дети на трамвайной остановке. При этом трамваи напоминают собой спичечные коробки, по сравнению с которыми дети кажутся великанами. На третьей картине изображены бесформенные обломки каких-то неизвестных предметов. В центре — силуэт скрипки, а в углу — обнаженная нога женщины. И подобное во всех залах галереи.

Подавленные и озадаченные, переходили мы от картины к картине, из одного зала в другой, не находя ничего, на чем можно было бы остановить внимание. Но вот в последнем зале прекрасно исполненный портрет рабочего-японца (художник Курода). Рядом с ним другая картина, изображающая женщину-японку. Здесь же мы увидели еще 2—3 картины, написанные японскими художниками-реалистами.

Чем же объяснить, что столь слабо представлена реалистическая живопись? Как получилось, что японские художники, утратив тонкий вкус и несомненное высокое мастерство своих предшественников—представителей классической школы, — стали на путь слепого подражания худшим образцам западной, особенно американской, живописи?

Это результат политики японского правительства, официально поощряющего все, что так или иначе связано с пресловутым «американским образом жизни». Несколько десятков художников, порвавших с традициями народного японского искусства, заполняют своей «продукцией» музеи и выставки, получая высокие гонорары и премии на различных конкурсах.

Однако в Японии существует немало художников, которые связали свое творчество с жизнью народа, с его нуждами и чаяниями. Как и прогрессивные деятели в других областях японской национальной культуры и искусства — в театре и кино, музыке и литературе,— японские прогрессивные художники являются активными участниками борьбы народа за свободу и независимость своей страны.

Их не привлекают идиллические пейзажи мастеров японской классической школы. Еще менее привлекает их "творчество" модных теперь в Японии модернистов. Темы прогрессивным художникам подсказывает народ, его жизнь.

Правда, в картинных галереях и на выставках работы художников-реалистов появляются крайне редко. Условия их труда исключительно тяжелы.

В Японии в настоящее время имеется несколько сот безработных художников. У огромных магазинов на улице Гинза, у общественных увеселительных учреждений в Токио, а также в других крупных городах постоянно можно видеть десятки худых и бедно одетых безработных художников, которые зарабатывают себе на хлеб тем, что тут же, на улице, рисуют моментальные портреты прохожих.

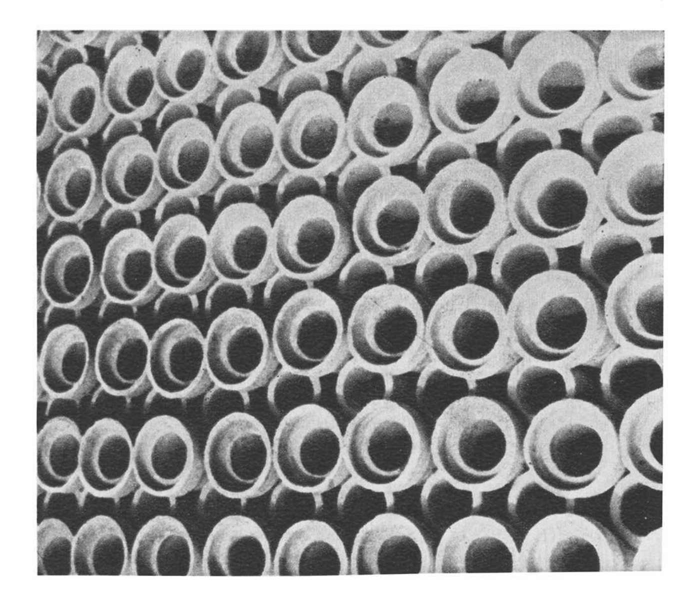
«У меня академическое образование, и я ненавижу этот унизительный труд», — заявил нам художник Симагами. Но у Симагами больная жена и ребенок, и он вынужден искать случайного заработка. Симагами никогда не получит постоянной работы: его фамилия занесена полицией в черные списки за активное участие в движении против пребывания иностранных войск в Японии.

Такова судьба многих художников современной Японии, отказавшихся служить реакции, сохранивших верность своему народу и родной стране.

Безработные художники ждут заказов.

Эстонский силикальцит

В Таллине на одной из строительных площадок вам бросятся в глаза стены, возведенные из белого строительного камня; дома, покрытые белой черепицей; белые ступени лестниц; уложенные в траншеи белые водопроводные трубы. Все это сделано из необычного строительного камня — эстонского силикальцита.

Что такое силикальцитный кирпич?

Более 100 лет назад был найден способ изготовления кирпича из песка и извести, а в конце XIX века установили, что прочность известково-песчаного кирпича повышается, если его выдержать в течение нескольких часов под давлением в горячих водяных парах. Затем стало известно, что при помоле песка в шаровых мельницах получается кирпич более высокого качества — силикальцит.

Но так как шаровые мельницы — очень сложные, энергоемкие и дорогостоящие машины, то силикальцитное производство до сих пор развивалось сравнительно медленно.

Эстонский силикатный завод «Кварц» построен на залежах песка, необычайно богатого кварцем, почти на чистых его россыпях. Но вместе с тем у этого песка есть существенный недостаток — крупная зернистость, а чем мельче песок, тем прочнее становится кирпич.

Как же использовать ценный кварцевый песок?

Инженер Иоханнес Хинт, заведующий лабораторией завода «Кварц», предложил размалывать песок дезинтегратором. Это несложная машина, в которой песчинки с большой силой бьются о стенки и друг о друга, покрываются слоем извести, и таким образом создается прекрасная смесь.

Когда изготовленный новым способом силикальцитный кирпич прошел испытания, результаты превзошли все ожидания: новый кирпич выдержал давление в тысячу килограммов на сантиметр (при 150 килограммах у красного кирпича). К тому же он более морозоустойчив.

Изготовленные из новой силикальцитной смеси кирпичи, облицовочные плиты, черепица, канализационные трубы, ступеньки для лестниц, армированные перемычки выдержали все испытания на пригородной строительной площадке Таллина.

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Давыдова.

«Саянка Бардунова»

Студент 4-го курса Иркутского университета Леонид Бардунов летом этого года участвовал в экспедиции Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР. В Бурят-Монголии юноша обнаружил новый, неизвестный науке род растения из семейства крестоцветных. Это интересное открытие привлекает сейчас к себе внимание ученых не только Сибири, но и Москвы, Ленинграда.

Леонида Бардунова найти удалось не сразу: уже начался в университете учебный год, а студент бороздил еще на корабле изумрудные воды Байкала. Из большого похода вокруг озера-моря он вернулся с окладистой каштановой бородой, состарившей его на несколько лет, загорелый и окрепший, полный новых впечатлений и наблюдений.

— Экспедиция в Бурят-Монголию не первая в моей жизни,— сказал Бардунов.— Еще в школьные годы я ходил в сопки и тайгу. Нас, юннатов, брали с собой в путешествия сотрудники научно-исследовательских учреждений Владивостока. Мы собирали растения, учились делать гербарий.

Позже, уже здесь, в университете, я участвовал в экспедиции филиала Академии наук по Ангаре к Братску, по Лене — к Усть-Куту, потом работал в экспедиции на Байкале, а в этом году мы изучали флору Тункинской долины Восточных Саян Бурят-Монгольской АССР. Студенческой практикой на протяжении нескольких лет руководил один из крупнейших знатоков флоры — профессор, член-корреспондент Академии наук УССР Михаил Григорьевич Попов. В минувшее лето он поручил мне познакомиться и изучить растительный мир в селах Туран, Монды, Тибальти, что лежат в долине Иркута. Вот тут-то я и нашел новое растение. Произошло это так просто, что...— студент смущенно заулыбался и махнул рукой.— Дело было так: после недельного похода в горы я возвращался в Туран. Остановился напиться воды в горном ручье и вдруг вблизи грунтовой дороги заметил два кустика цветов, чем-то похожих на фиалку. Я заинтересовался неизвестным мне видом «фиалки» и, памятуя слова профессора: «Обращать внимание на все растения»,— вырвал «фиалки». Рассматривая их, я тотчас установил, что это совсем не фиалки, а какие-то совершенно незнакомые мне растения.

В августе, когда приехал Михаил Григорьевич, я, показывая ему гербарий и отчеты, обратил внимание на обнаруженные мною экземпляры «фиалок». Они сразу заинтересовали ученого. Уже позже, находясь в Иркутске, профессор установил, что это совершенно новый род растений — уникальный представитель палеогеновой субтропической флоры. Михаил Григорьевич назвал его «Саянка Бардунова», или, сокращенно, «Саянка».

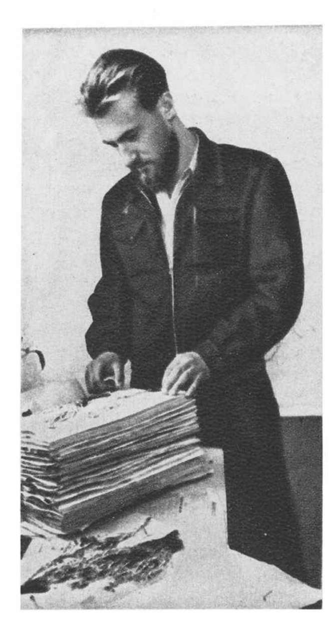
«Саянку,— отмечает профессор М. Г. Попов,— не всякий ботаник определил бы с первого взгляда как крестоцветное растение: у нее нет никакого стебля, мелкие цветочки и плодики сидят у самого корня, и плоды, созревая, растут в землю, закапывают себя, сами себя сеют. И по листьям саянка мало напоминает крестоцветное: она больше походит на просвирник, сорную мальву, растущую по краям дорог».

Ученый указывает, что раньше в пределах СССР не было известно ничего подобного саянке. Этот представитель древнейшей флоры, существовавшей в Саянах более десяти миллионов лет назад, лишь отдаленно напоминает некоторые растения возвышенных частей Южноамериканских Анд.

Открытие студента Бардунова интересно еще и потому, что Тункинскую долину неоднократно и внимательно исследовали многие ботаники, но саянки они не видели. Объясняется это тем, что реликтовое растение сохранилось лишь на одном «пятне земли», в русле горного ручья. Судя по всему, вода в ручье содержит необходимые для питания «Саянки Бардунова» вещества.

Е. КАРПАЧЕВ

Фото автора.

Леонид Бардунов делает гербарий.

Фтивазид

Легко и просто с помощью почти любого ядовитого вещества уничтожить туберкулезную палочку в лабораторной пробирке, но сделать это в организме человека неизмеримо труднее. Ведь вещество ядовито и для микроба и для живой ткани.

Хорошее лекарство должно отвечать двум обязательным условиям: убивать возбудителя болезни и не причинять вреда человеку. Иначе говоря, обладать избирательностью действия. В последние годы ученым удалось создать такие препараты, которые успешно подавляют туберкулезный микроб, например, стрептомицин, паск, тибон. Они избавили от тяжелого недуга многих людей.

Однако все еще встречаются формы туберкулеза, упорно не поддающиеся лечению. И ученые продолжают поиски новых средств, еще более эффективных.

Коллективы лабораторий Всесоюзного химико-фармацевтического института в Москве, руководимых профессорами М. Н. Щукиной, Г. Н. Першиным, М. В. Рубцовым, проделали большую работу, изучая ряд химических соединений, подавляющих вредную деятельность исконного врага нашего здоровья. Некоторое представление о размахе исследований дает одна цифра: было синтезировано около 650 различных химических соединений. Вдумчиво и строго проверялось действие каждого из них на туберкулезных микробах, на животных, зараженных этой болезнью.

В трудном состязании с сотнями «участников» постепенно выкристаллизовалась группа лучших. В последнем туре первое место завоевало химическое соединение, названное фтивазидом. Он-то оказался самым активным, эффективно обессиливающим действие туберкулезной палочки.

Затем наступил новый этап — изучение в клинике. Всесторонние испытания в клиниках Москвы, Ленинграда, Киева и других городов показали, что фтивазид отличается мощными целебными свойствами. Нередко бывали случаи, когда он действовал с поразительной силой и быстротой, буквально вырывая больного из лап смерти.

Новый препарат энергично вмешивается в течение болезни, сбивает температуру до нормы, резко улучшает самочувствие: возбуждает аппетит, устраняет слабость и кашель. Состав крови изменяется к лучшему. Больной прибавляет в весе, идет на поправку.

По единодушному отзыву врачей-клиницистов, фтивазид способствует рассасыванию туберкулезных очагов в легких, ликвидирует воспалительный процесс, число палочек заметно уменьшается. Особенно благоприятные результаты достигнуты при комбинированном лечении, в сочетании с другими препаратами.

Новое лечебное средство хорошо проявило себя в борьбе с туберкулезом верхних дыхательных путей. Исчезают краснота и отеки, заживают язвы, утраченный было голос полностью восстанавливается. Под влиянием фтивазида сдают позиции туберкулез лимфатических желез, почек, костей, кожи, а также туберкулезный менингит.

Сейчас новый мощный препарат, созданный советскими химиками, передан медицинской практике.

Георгий БЛОК

Витамин чайного листа

Стакан чая, ароматного, крепкого, приятен за завтраком, после обеда, за ужином. Обладая тонизирующим, возбуждающим действием, он как бы снижает усталость, бодрит, благотворно влияет на нервную систему. Вот, пожалуй, и все достоинства, какие приписывались раньше чаю.

Этим, однако, как установили советские исследователи, не ограничиваются полезные особенности чайного листа. В лаборатории биологического синтеза Института биохимии Академии наук СССР, руководимой ныне избранным в академики Андреем Львовичем Курсановым, в листьях чая обнаружили комплекс высокоактивных веществ, которые входят в группу витамина «Р». Этому витамину присущи важные свойства.

Витамин «С» — аскорбиновая кислота — имеет огромное значение для организма человека. Однако такой витамин, полученный искусственно, менее активен. Почему? Было доказано, что дело не в недочетах синтетического витамина «С», а в том, что ему требуется своего рода помощник, спутник — витамин «Р»,— и тогда аскорбиновая кислота легче, быстрее накапливается и удерживается организмом. Лечение проходит успешнее при наличии витамина «Р».

Дальнейшие исследования показали, что сфера деятельности витамина «Р» гораздо шире. Ему «подведомственны» тончайшие кровеносные сосуды — капилляры. Он делает более прочными, упругими их стенки, повышает проницаемость сосудов. Отсюда и его название — от первой буквы слова «проницаемость».

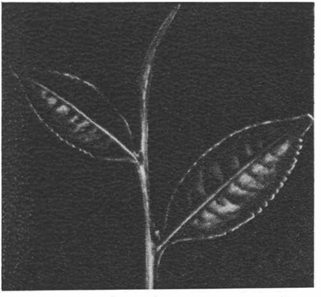
Опыты на животных свидетельствуют, что новый витамин отличается еще одним важным свойством. Малые дозы его снижают усиленную деятельность щитовидной железы. Значит, витамин «Р» может стать лечебным средством при борьбе с базедовой болезнью.

Нет сомнения, что ученые разгадают многие другие свойства и особенности полученного вещества. Это — дело будущего. Но то, что уже выяснено, говорит о большом значении витамина «Р».

В каких овощах и фруктах содержится он? В очень многих: в черной смородине, лимонах и апельсинах, в винограде и перце, в плодах шиповника и незрелых грецких орехах. Но им богаче всего зеленый чайный лист, еще не подвергавшийся обработке. Он сохраняется в зеленом чае и в черном.

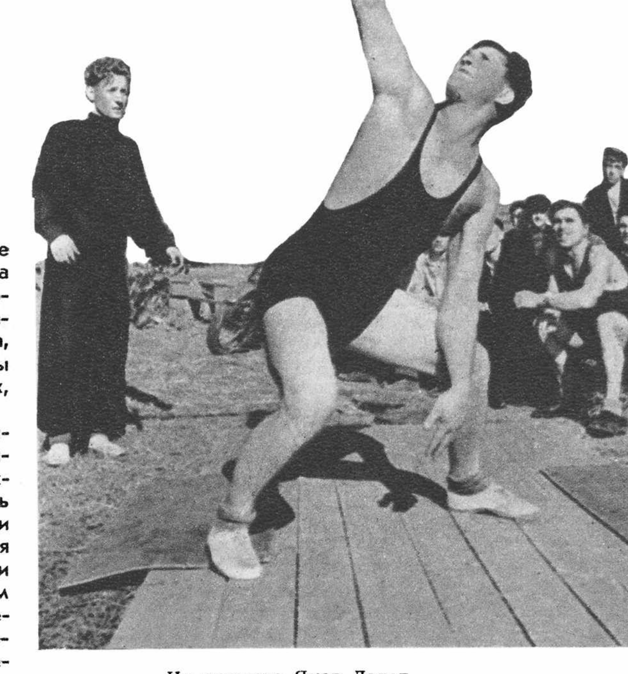
Обильным источником сырья для получения витамина «Р» станет огрубевший чайный лист, который на плантациях до сих пор широко не использовался. Сейчас медицинская промышленность налаживает производство нового высокоактивного витамина.

К. КОЛЬБИН

Молодая веточка чайного куста.

Спортсмены «Западной-Капитальной»

На помосте Яков Дедов.
Фото А. Соколенко.

С любителями спорта шахты «Западная-Капитальная» «Ростовугля» я познакомился на местном стадионе во время игры шахтеров с футболистами Батайска. Надо было видеть, с какой радостью встретили зрители победу своей команды! В этот день на шахте был настоящий праздник. Впрочем, с не меньшим ликованием встречают горняки успехи волейболистов, легкоатлетов, штангистов, конькобежцев, а велосипедные гонки собирают еще больше зрителей, чем футбольные состязания.

Когда разыгрывалось личное первенство шахты по шоссейной гонке, зрители стояли сплошной стеной по обе стороны дороги, наблюдая борьбу сильнейших гонщиков—горного мастера Дмитрия Конофеева, проходчика Ильи Иващенко, слесарей Николая Гагауза, Дмитрия Ткаченко, Геннадия Цымбалова.

Велосипедисты, штангисты, лыжники, футболисты «Западной-Капитальной» не раз выступали на всесоюзных шахтерских состязаниях.

Спорт на шахте давно уже стал любимым отдыхом горняков. Часто можно видеть, как после работы, помывшись, спешат шахтеры на занятия секций и, напротив, многие спортсмены, закончив тренировки, тут же спускаются в шахту. В секциях шахтерского спортивного коллектива занимается более 500 человек.

На стадионе часто можно видеть потомственного шахтера, горного мастера Якова Сергеевича Дедова. Это плотный, крепко сбитый атлет. Выступая на областных соревнованиях спортивного общества «Шахтер» по тяжелой атлетике, Дедов занял первое место, и инструктор физкультуры Михаил Козовков предложил ему руководить секцией штанги. Лестное было это предложение, но Дедов отказался: взыскательный к себе, он чувствовал, что ему не хватает знаний и опыта. И только тогда, когда Яков Сергеевич неплохо выступил на всесоюзных соревнованиях своего спортивного общества, он согласился возглавить секцию. Недавно Яков Дедов получил письма от своих учеников, ушедших в армию, Перекотина и Пичкурова. Солдаты сообщили своему бывшему спортивному наставнику, что на армейских соревнованиях выполнили норму первого разряда, а один из них «не дотянул до мастера» всего лишь 5 килограммов...

Секцией легкой атлетики руководят Михаил Козовков, поистине страстный энтузиаст спорта, душа физкультурного коллектива, и электрослесарь Анатолий Чумаков. Чумаков — разносторонний спортсмен: легкоатлет, футболист и турист. Этим летом он ездил в Теберду и вернулся со званием инструктора туризма. Недавно он организовал на шахте секцию туризма.

Почти все физкультурники «Западной-Капитальной» — передовики производства. Не сходят с Доски почета имена бурильщика Николая Кулика, горного мастера Нестера Лошака, мотористки Антонины Костиковой и многих, многих других.

Есть у физкультурников шахты «Западная-Капитальная» одно бесценное качество: делать все своими руками. Они заслуженно гордятся тем, что сами построили стадион с прекрасным футбольным полем, беговой дорожкой, секторами для прыжков и метаний, с раздевалкой из трех просторных комнат.

— Конечно, наш стадион кое в чем уступает стадиону «Динамо» в Москве,— снисходительно соглашаются шахтеры. — Но все же...

Прошлой зимой совет коллектива задумал залить каток.

Для заливки катка пришлось перейти на «ночную смену»: днем слишком тепло. По ночам в раздевалке было весело и шумно. На большой чугунной печке непрерывно жарилась картошка, вокруг сидели все свободные от работы, сушились, отдыхали, рассказывали страшные истории, пугая девчат...

Залили каток первый раз — прошел дождь, и лед растаял. Через десять дней залили снова, и опять через три дня каток растаял. Наконец, залили каток в третий раз — к Новому году. И удачно. На радостях решили провести массовое гулянье на льду. Из Новошахтинска привезли елку и украсили ее разноцветными электрическими лампочками, серебристыми игрушками.

— Ну, теперь все,— сказала горячая любительница конькобежного спорта Тамара Боева, когда была повешена последняя игрушка. И, посмотрев на сгущающиеся тучи, добавила: — Осталось только, чтобы пошел дождь.

Но на этот раз дождя не было, и гулянье удалось на славу. Каток продержался до середины марта.

В. ВАСИЛЬЕВ

Путешествие по скалам

На живописном берегу Енисея, невдалеке от государственного заповедника «Столбы», находится туристско-экскурсионная база ВЦСПС.

По путевкам спортивных обществ и профсоюзов здесь уже побывали тысячи любителей туризма и скалолазания: металлурги Сталинска, машиностроители Новосибирска и Томска, шахтеры Черемховского бассейна и Кузбасса, железнодорожники великой сибирской магистрали. Путевки в красноярскую туристско-экскурсионную базу приобретают трудящиеся Москвы и Ленинграда, Алма-Аты и Свердловска, Киева и Минска...

Стоит пройти несколько шагов от палаток базы — и взору открывается чудесная панорама величественной реки. Справа виднеется Красноярск с его многоэтажными домами и заводами, вверх по Енисею, насколько видит глаз, простирается тайга, и кажется, нет ей ни конца, ни краю.

Туристов ведет мастер спорта москвичка Ольга Архангельская.

На девять дней рассчитан маршрут. Свыше сотни километров по сильно пересеченной местности проходят туристы. Они знакомятся со «Столбами», поднимаются вверх по реке Маны — притоку Енисея — до питомника горных сибирских оленей, таежными тропами проникают в район Мраморных гор.

Чудесна природа Красноярского заповедника, причудливы скалы «Столбы», «Дед», «Перья», «Жаба», «Беркут», «Бегемот»...

В свое время сюда поднимались великий русский художник-красноярец В. И. Суриков, писатель Вячеслав Шишков, исследователь уссурийской тайги В. К. Арсеньев.

Вот гранитный утес «Перья». Народ удивительно метко назвал эту скалу: будто гигантская птица на лету обронила свои перья и они вонзились в землю.

Узкая тропа ведет вниз, к основанию другого каменного изваяния — утеса «Дед». За ним высится пирамида «Второго Столба», самого высокого, достигающего 592 метров над уровнем Енисея. Впервые на его вершину поднялись красноярцы в 1887 году.

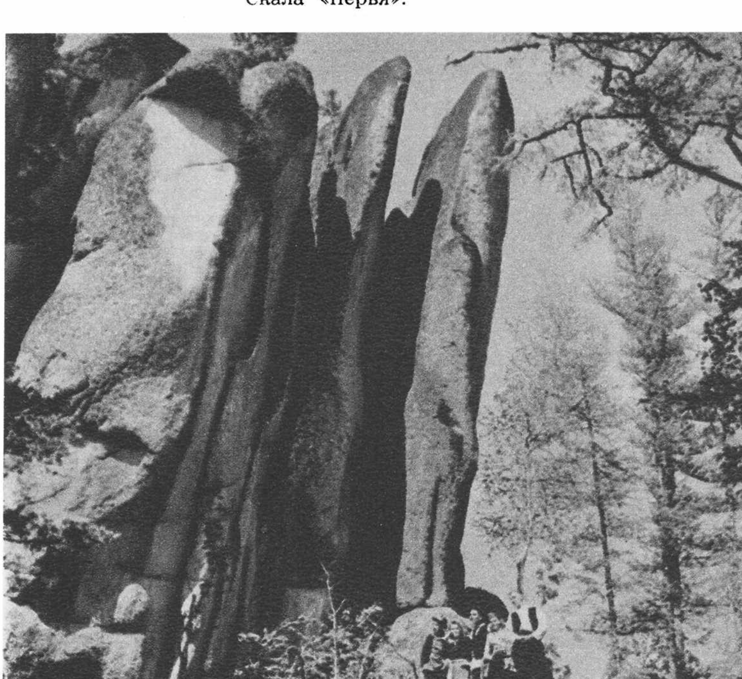
История «Столбов» связана с революционным движением в Сибири. В этих местах проходили рабочие маевки, устраивались нелегальные собрания; здесь выпускались прокламации, хранилось оружие. В пору гражданской войны тут укрывались красные партизаны.

За годы Советской власти «Столбы» стали излюбленным местом отдыха трудящихся, спортивных тренировок и соревнований. Теперь в Красноярске нет ни одного спортивного общества, которое бы не имело секции скалолазов.

А. ШЕВЕЛЕВ

Фото П. Макарова и В. Мишакина.

Скала «Перья».

„Где эта улица, где этот дом...“

Изорецензия Бор. ЕФИМОВА

Водевиль-обозрение под таким названием пользуется заслуженным успехом у московского зрителя.

Сюжет спектакля прост и типичен для нашей советской жизни, где каждый человек обязан всегда идти вперед в работе и творчестве. Шофер Березкин, инициатор движения «стотысячников», успокоился на достигнутом, неохотно воспринимает критику. Простые советские люди, с которыми в поисках подходящей для обмена комнаты встречается Березкин, помогают ему осознать свою ошибку.

Мне захотелось зарисовать для читателей «Огонька» наиболее запомнившихся действующих лиц обозрения.

Должен при этом оговориться, что успеху спектакля способствуют не только изображенные здесь ведущие актеры театра, но и веселая молодая стайка просто «ведущих» спектакль, а также и все остальные его участники.

Временно почивший на лаврах, но все же обаятельный Березкин.
Артист Г. МЕНГЛЕТ.

Симпатичная Галочка, невеста Березкина.
Артистка В. ВАСИЛЬЕВА.

— С неруководящей работой я не справлюсь,— заявляет матерый халтурщик и бездельник Петухов, жертва звукопроницаемости им самим построенного дома.
Артист В. ЛЕПКО.

— Ну, а в 51-м году? — придирчиво допрашивает мнимого жениха своей дочери об его успехах дотошная Марья Степановна.
Артистка Т. ПЕЛЬТЦЕР.

Соавторы-халтурщики «драматурги» Ведрин и Клюев, «творящие» под провозглашенным ими девизом «Куй железо, не отходя от кассы!»
Артисты О. СОЛЮС и Д. КАРА-ДМИТРИЕВ.

«Но это только сон...»

Лирический дуэт.

Артисты Г. ДОРЕ и Е. УРАЛОВА.

Каскадный дуэт.

Артисты О. ЗВЕРЕВА и Б. РУНГЕ.

— Где же все-таки мы с вами встречались?..

Артист П. ПОЛЬ.

В заключение беру на себя смелость ответить на вопросы, поставленные в заголовке. ГДЕ ЭТА УЛИЦА? Малая Бронная. ГДЕ ЭТОТ ДОМ? Дом 2, Московский Театр сатиры. Именно там идет этот не претендующий на беспощадно разящее, бичующее обличение, но острый, задорный и веселый спектакль, хорошо и изобретательно поставленный режиссером Э. Краснянским, хорошо оформленный художником М. Виноградовым. Авторы пьесы — В. Дыховичный и М. Слободской.

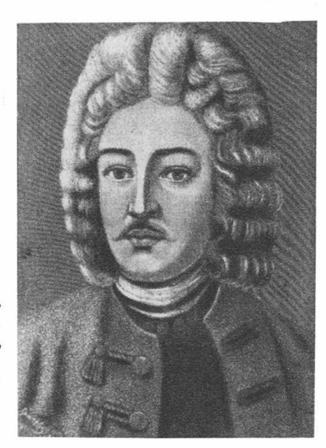
Бор. Ефимов

Архитектор Петр Еропкин

В истории русской архитектуры Петр Михайлович Еропкин долгое время был фигурой загадочной. Известно было о нем немногое: родился в 90-х годах XVII столетия в старинной дворянской семье, в 1717 году был послан Петром I за границу. По возвращении на родину Еропкин был приставлен к строительству новой столицы — Петербурга. В царствование Анны Ивановны П. Еропкин сблизился с кабинет-министром Артемием Волынским, принимал вместе с ним участие в составлении «Проекта о поправлении внутренних государственных дел». В последние годы своей жизни работал в «Комиссии о Санктпетербургском строении». Зданий, построенных Еропкиным, не сохранилось. Вот, пожалуй, и все, что можно было о нем сказать.

Теперь, когда в архивах обнаружено много новых материалов, в ином свете предстала деятельность Петра Еропкина — замечательного градостроителя и пламенного патриота.

Установлено, что Еропкин был душой и архитектурным руководителем «Комиссии о Санктпетербургском строении» и автором грандиозного проекта перепланировки всех районов Петербурга. В отличие от проектов петровского архитектора Леблона, не связанных с русской жизнью, планировка Еропкина оказалась настолько целесообразной, что сохранилась в главных чертах до нашего времени. Если взять центральную часть города, примерно от Охты до Калинкина моста и от Каменного острова до Александро-Невской лавры, и сравнить ее нынешний план с чертежами Еропкина, то мы увидим, что основные магистрали и даже нарезка многих кварталов осуществились так, как это предлагал талантливый зодчий.

П. Еропкин (с миниатюры неизвестного автора).

Так, например, он ориентировал будущее строительство нового городского центра на три лучевых магистрали: Гороховую, Невский и Вознесенский (сейчас имени Майорова) проспекты. Еропкин наметил и многие площади, существующие поныне, а также прокладку Екатерининского (сейчас имени Грибоедова) канала; создал проект нового района — Коломны. Не ограничиваясь этим, он разработал примерные проекты жилых кварталов, предусмотрев внутри каждого квартала обширные зеленые массивы.

Не был забыт и старый Васильевский остров. В проектах П. Еропкина там намечено великолепное оформление Большого проспекта, с бульварами, газонами, параллельно идущими каналами.

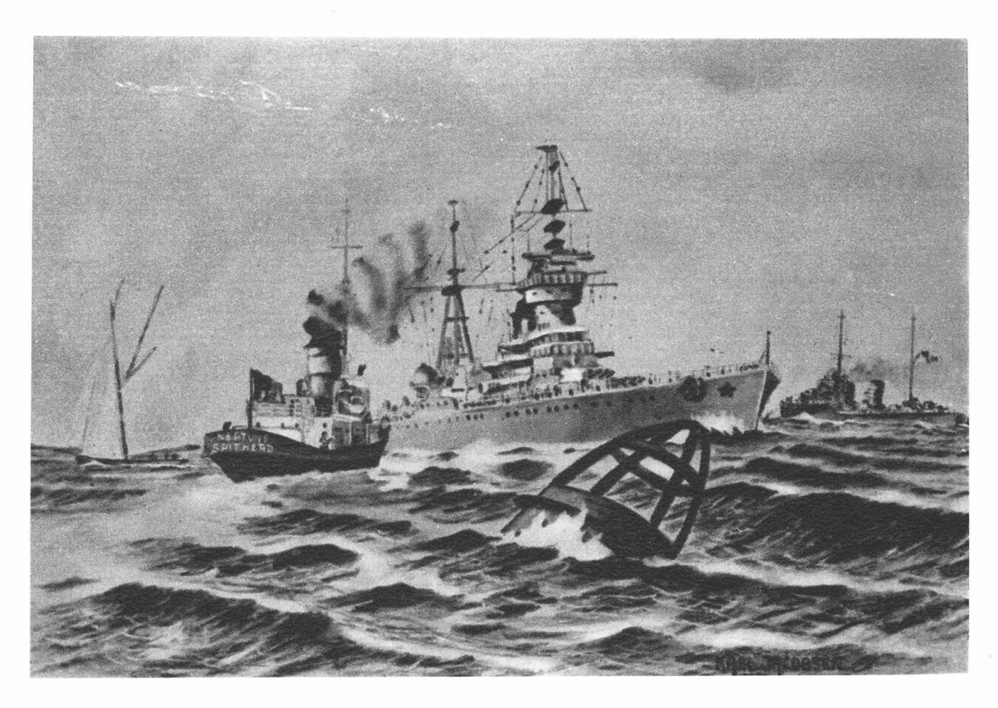
Тогда, в 30-х годах XVIII века, никто в Европе и не помышлял заниматься градостроительством в таких масштабах. А смелый и талантливый русский архитектор, верящий в будущее своей страны, закладывал основы русского градостроительства. Идеи его во многом опережали время.

Петр Еропкин был одним из образованнейших людей своего века. По объему и разнообразию своих знаний он был подлинным энциклопедистом.

Петр Еропкин был истинным патриотом и неутомимым тружеником на пользу своего народа. Любовь к России вдохновляла его творчество и разжигала в нем ненависть к засилию иностранной клики Бирона. «Бедная Россия, — говорил Еропкин,— из тебя не молоко, а кровь твою сосут; отважим за тебя все, чего нет дороже...»

О талантах П. Еропкина лучше всего говорит тот общеизвестный факт, что город на Неве, в развитие которого он вложил все свое творчество,— один из самых красивых и наилучше спланированных городов в мире.

Евг. ТАНК

ПОДАРОК ДРУЗЕЙ

Дорогая редакция!

С большим вниманием мы следили за рейсом крейсера «Свердлов» в Англию. Я написал акварель «Прощание крейсера «Свердлов». Справа от крейсера виден английский эскадренный миноносец класса «Харди».

Пусть этот скромный рисунок послужит нашим приветом вам и останется для вас памятью о постоянной признательности трудящихся Германской Демократической Республики народам великого Советского Союза.

С дружеским приветом

Карл ЯКОБСЕН

Альтенберг.

В конце прошлого века...

ДРАКОН И СВОБОДА Однажды, в конце прошлого века, китайский посланник в Вашингтоне присутствовал на парадном обеде. Сидевшая рядом с ним дама оживленно расспрашивала его о культуре, нравах и обычаях Китая. Между прочим, она удивлялась, почему в Китае так часто изображают драконов.

— Ведь драконов нет. Они только плод фантазии...

Китайский посланник заметил с тонкой улыбкой:

— Но ведь у вас изображают, например, какую-то богиню свободы, хотя известно, что она лишь плод фантазии.

ЦЕНИТЕЛИ ИСКУССТВА Аделина Патти, находясь проездом в одном из английских городов, согласилась принять участие в большом благотворительном концерте. Она с блеском спела три романса.

Мэр города горячо благодарил артистку:

— Вы превосходно пели, сударыня. Слушая вас, мы почти забыли о знаменитом Гарри Гуке, который, к глубокому сожалению, не смог украсить наш вечер своим выступлением.

— Простите, но я не знаю, чем именно знаменит Гарри Гук,— спросила Патти.

— О, это непревзойденный мастер: он глотает иголки и жонглирует раскаленными железными прутьями!

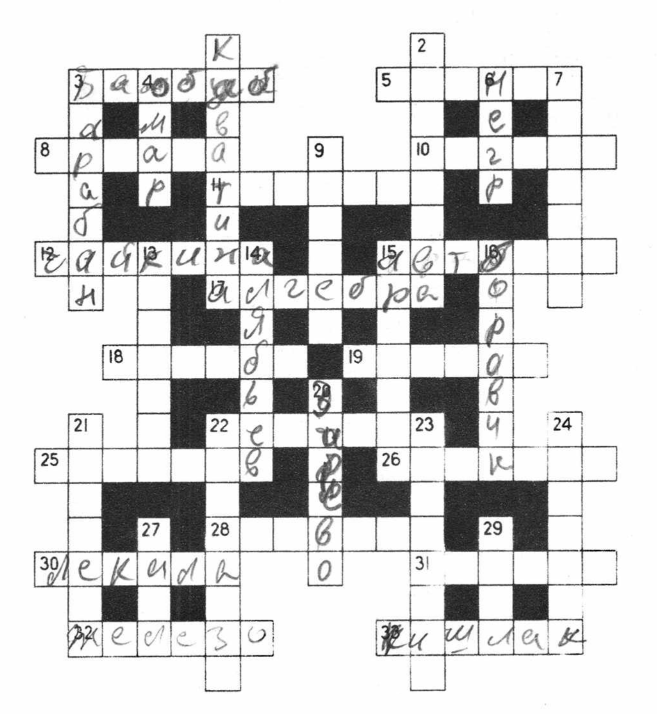
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Большое тропическое дерево. 5. Старинный русский город. 8. Галерея из арок. 10. Название двух рек Восточной Сибири. 11. Научное сочинение. 12. Партизанка-комсомолка, Герой Советского Союза. 15. Вид городского транспорта. 17. Отдел математики. 18. Птица. 19. Пьеса В. Любимовой. 22. Специалист, наблюдающий за работой машин. 25. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 26. Пьеса для клавишных инструментов. 28. Вид графики. 30. Фигурная линейка. 31. Актриса в комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 32. Химический элемент. 33. Селение в Средней Азии.

По вертикали:

1. Небольшая лирическая ария. 2. Железная основа железобетонных сооружений. 3. Ударный музыкальный инструмент. 4. Морской рак. 6. Представитель коренного населения Африки. 7. Вид вяза. 9. Спортивное судно. 13. Столбец. 14. Русский композитор. 15. Вид перевозки. 16. Гриб. 20. Отсвет пожара или заката на небе. 21. Искусственный водоем. 22. Народная республика. 23. Начальник воинской части. 24. Низкорослый кустарник или кустарниковое дерево. 27. Действительное событие. 29. Часть плоскости между двумя линиями, исходящими из одной точки.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 46

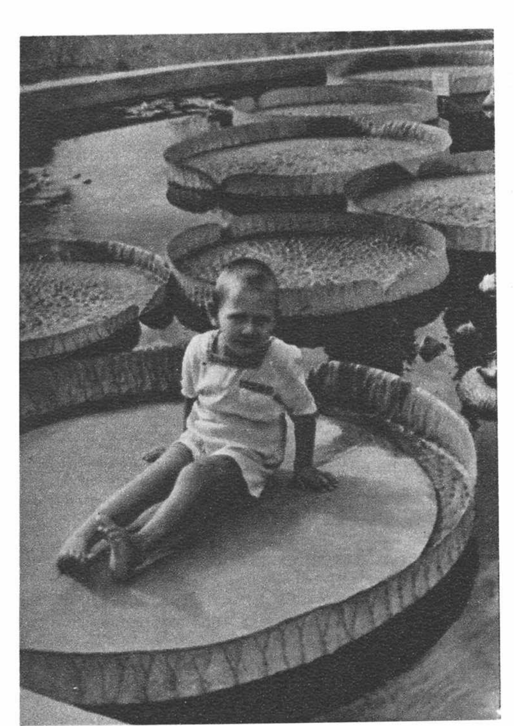
По горизонтали:

6. Беллинсгаузен. 9. Удод. 10. Награда. 11. Удав. 12. Динамит. 15. Чиколев. 17. Рагозин. 18. Астероид. 19. Доблесть. 21. Телегин. 23. Саратов. 24. Новатор. 25. Диез. 27. Полотно. 28. Гриб. 29. Представитель.

По вертикали:

1. Рейд. 2. Планшир. 3. Астроном. 4. Сусанин. 5. Перу. 7. Администрация. 8. Палеонтология. 13. Антенна. 14. Татищев. 15. Чигорин. 16. Отметка. 20. Верхолаз. 21. Торпеда. 22. Новость. 26. Заря. 28. Галс.

Редкое зрелище

Внимание посетителей Сухумского ботанического сада надолго привлекают плавающие в его водном бассейне листья Виктории-регии.

Листья этого замечательного растения достигают двух метров в диаметре. Верхняя их сторона зеленого цвета, а нижняя — красноватого. Снизу они покрыты сетью жилок, в углублениях между которыми при распускании листьев задерживаются пузырьки воздуха. Это сильно увеличивает плавучесть Виктории-регии, ее подъемную силу.

Я сфотографировал сидящего на листе Виктории-регии мальчика четырех лет, а вообще листья выдерживают груз до 50 килограммов.

В августе можно наблюдать цветение Виктории-регии. Оно очень любопытно. Среди огромных круглых листьев гигантской кувшинки вечером буквально на глазах у зрителей из воды появляется бутон. Вскоре он распускается красивым белым цветком. Утром лепестки становятся розовыми. Днем бутон закрывается, а вечером, раскрывшись вновь, оказывается уже красного цвета. Утром следующего дня его окраска вновь меняется, она делается темнопурпурной. После этого цветок опускается под воду, где образуется плод с семенами.

К сожалению, цветение Виктории-регии продолжается всего лишь около двух суток.

А. ЗЕМЛЯНОВ

Сухуми.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Я. Тильберга «Я. Райнис», Яна Розенталя «С работы», В. Пурвита «Зима» и «Последний снег» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04176. Подп. к печ. 17/XI 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 872. Заказ № 2740. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Поздняя осень.

Фото Е. Тиханова.

Цена 3 руб.